Я.М. Свет

ДЖЕМС КУК

Замечательные
географы
и путешественники

Я. М. Свет

ДЖЕМС КУК

Москва
«Мысль»
1979

91(09)
С 24

Редакции
географической
литературы

С $\frac{20901\text{-}107}{004(01)\text{-}79}$ 140-79. 1905020000

Вводное слово

Двести лет назад в Америке и на морских путях Старого и Нового Света шла война между Англией и ее восставшими североамериканскими колониями. Эти колонии, провозгласившие себя Соединенными Штатами, сражались за свою свободу в союзе с Францией. На море американские и французские суда топили и брали в плен британские корабли, военные и торговые.

Было, однако, одно-единственное исключение из этой боевой практики. И США, и Франция объявили неприкосновенными суда третьей экспедиции английского мореплавателя Джемса Кука. Такому решению способствовал великий гражданин молодой Америки Вениамин Франклин.

Случай беспримерный, но беспримерной была и слава Кука, морехода, которого многие его современники сравнивали с Колумбом и Магелланом. Сравнивали заслуженно.

Сын батрака-поденщика, человек, который, по его собственным словам, «протащил себя (I dragged myself)... через все виды морской службы», Кук приобрел всемирную известность не только своими выдающимися открытиями.

В век просвещения, в эпоху великих энциклопедистов, он совершил переворот в географической науке, в которой по инерции удерживались метафизические концепции давнего прошлого. Теоретики «докуковской» географии особенно рьяно отстаивали чисто умозрительную гипотезу равновесия материковых площадей. Считалось, будто материкам северного полушария соответствует равновеликий массив суши в южном полушарии, не связанный с реальными континентами этой полусферы — Австралией, Южной Америкой и южной частью Африки.

Гипотезу равновесия материковых площадей Кук опроверг в ходе своих первых двух плаваний.

Избрав в южных морях нехоженые и непроведанные пути, он доказал, что между экватором и Южным полярным кругом простирается единый океан, в котором нигде не

«плавает» мифический Южный материк, по площади якобы равный всей суше северного полушария.

Кроме того, Кук первым в истории мореплавания проник в воды Антарктики, первым открыл восточное побережье Австралии, первым положил на карту оба острова Новой Зеландии, первым прошел вдоль западного берега Северной Америки.

Не вера в авторитеты, не слепая удача, а точный расчет, стальная воля, беспредельная настойчивость позволили Куку стереть те белые пятна, которые не смогли свести с мировой карты семь поколений европейских мореплавателей.

Заслуги Кука перед наукой огромны. Но, объективно оценивая его деятельность, следует иметь в виду и ту роль, которую он сыграл в истории британской колониальной экспансии. Вслед за Куком в Австралию, Новую Зеландию, на острова Океании проникли солдаты и купцы, чиновники и миссионеры.

Ровно двести лет назад, в 1779 году, Кук трагически погиб на острове Гавайи. Погиб, не завершив своего третьего и последнего плавания, погиб, не закончив работу над материалами своих экспедиций.

О печальной судьбе этих материалов мы расскажем в последней главе, и она будет посвящена не столько Джемсу Куку, сколько видному новозеландскому историку и географу Джону Биглехолу (1901—1971) — реставратору литературного наследия великого мореплавателя и издателю дневников всех трех его путешествий.

Трудная молодость. Ранняя зрелость

Кливлендская равнина в самой северной части английского графства Йоркшир... Холмы, долины, пыльные дороги. Вдоль дорог угрюмые вязы с лохматыми вершинами. Повсюду высокие изгороди. Весь край расчерчен на клетки, большие и малые. В больших — поля сквайров, богатых, порой высокородных кливлендцев. И их дома со стенами крепостной толщины и крутыми, высокими крышами.

В малых клетках — угодья йоменов[1], хозяев со скромными достатками. Из года в год сквайры округляли свои владения, захватывая и скупая земли неимущих соседей, которые либо становились батраками у своих притеснителей, либо навсегда покидали родные места.

В 1715 или 1716 году в кливлендскую округу пришел из Шотландии бедный странник Джемс Кук, отец и тезка великого мореплавателя. В новых местах жизнь была нелегкой.

Джемсу приходилось кочевать по кливлендским землям, работая то у одного, то у другого сквайра. Он пахал, сеял, убирал хлеб, пас скот. Женился. За короткое время у него родилось восемь детей, четверо умерли в детстве.

[1] Мелкие землевладельцы

В селеньице Мартон, которое на десять лет стало пристанищем Джемса-старшего, у него 28 октября 1728 года родился второй сын. В книге рождений, браков и смертей мартонской церкви св. Кутберта было записано: «Крещен сын батрака-поденщика, назван Джемсом». Джемсу-младшему в раннем детстве посчастливилось: он выжил.

Лет шести от роду, мальчиком был определен в поместье Мартон-Грейндж. Там пас коров, водил на водопой лошадей и исполнял разные поручения своих хозяев. Жене владельца Мартон-Грейнджа, миссис Уокер, приглянулся смышленый и проворный паренек, и она обучила его грамоте.

В 1736 году семья Куков перебралась из Мартона в близлежащее селение Грейт-Айтон. Впервые за долгие годы Джемсу Куку-старшему повезло. Он стал приказчиком в имении сквайра Томаса Скоттови. Да и большая деревня Грейт-Айтон, расположенная у подошвы местного «Эвереста», высокого холма Розберри, была куда привлекательнее захолустного Мартона.

На новом месте Кук несколько лет посещал школу. Учитель этой школы ознакомил его с хитростями английской орфографии, искусством письма и начатками арифметики.

Учиться приходилось урывками, много времени и сил отнимала работа на конюшне и на ферме сэра Томаса.

Сохранились кое-какие сведения о поведении Кука в грейтайтонской школе. Он не принадлежал к числу резвых сорванцов, вел себя очень скромно и пользовался большим авторитетом у своих соучеников.

Вполне возможно, что чувство собственного достоинства, способность к здравым суждениям и сдержанность выработались у Кука в дошкольные и школьные годы, когда на его долю выпало немало всевозможных невзгод.

Сдержанность... А может быть, скрытность? Один из современных английских биографов, Э. Маклин, так пишет о герое своей книги: «Уберечь от чужих глаз свою

личную жизнь — для этого требуется немалое искусство. Однако Кук преуспел в этом»[1].

И в самом деле, в дневниках своих (а Кук вел их, «протаскивая себя через все виды морской службы», двадцать три года) о личных делах, жене, детях он не упоминал вообще. «Приватные» темы Кук не часто затрагивал и в своей переписке, причем на письма он был весьма скуп.

В силу той же сдержанности Кука неизвестны и причины, по которым он покинул Грейт-Айтон. Случилось это в 1745 году, и было ему в ту пору неполных семнадцать лет.

Из Грейт-Айтона он перебрался в приморский городок Стейтс.

Стейтс жил рыбным промыслом. Населяли его потомственные рыбаки. Их утлые суденышки бороздили суровые воды Северного моря, из гавани Стейтса на йоркширские рынки поступали корзины и бочки с треской и сельдью. Стоял над городом крепкий рыбный дух, на всех заборах сушились сети, во всех дворах рыбу потрошили, солили и вялили.

Но рыбаком Кук не стал. Он поступил учеником к владельцу бакалейной лавки Уильяму Сандерсону. В лавке пахло сыром, капустой, рогожами. С утра до вечера приходилось таскать тюки с товарами, торговаться с покупателями, считать стертые медяки. А море было совсем рядом. Во время сильнейших штормов волны докатывались до самого порога лавки и выносили к ее преддверию космы желто-бурых водорослей.

В анналах Стейтса записано: в 1812 году во время жестокой бури сандерсоновскую лавку (в ней тогда, вероятно, торговал внук мистера Уильяма) смыло в море...

Кто знает, быть может, за подслеповатыми окнами мелочной лавки виделись юному ученику бакалейщика скалы норвежских фьордов, исхлестанные прибоем гебридские берега, белые паруса на бойких морских дорогах.

[1] *Э. Маклин.* Капитан Кук. М., 1976, с. 6.

А возможно, что не пламенная мечта, а холодный расчет побудил его перейти на морскую службу. Бесспорно, он знал, что она трудна и опасна, но море все же сулило лучшее будущее, чем бакалейная лавка.

Так или иначе, но поздним летом 1746 года Кук, отработав восемнадцать месяцев у Сандерсона, покинул Стейтс и отправился в Уитби, главный порт Йоркшира. И в Йоркширском графстве и далеко за его пределами была известна фирма братьев Уокер, судостроителей и судовладельцев. Джон и Генри Уокеры принадлежали к секте строгих боговеров-квакеров и, воздавая должное небесному владыке, весьма успешно вели свои земные дела. Братья не только строили корабли, но и доставляли из соседних графств морским путем уголь в Лондон, Ливерпуль, Дублин и в гавани Голландии, Норвегии и Дании. Доставляли с завидной прибылью.

Уокеры подписали с Куком контракт. Три года бывший ученик бакалейщика должен был прослужить на судах уокеровской фирмы.

Уитби в середине XVIII века насчитывал десять тысяч жителей и считался большим городом. Стоял он в устье быстрого Экса и славился развалинами старинного монастыря, многочисленными верфями и огромными складами.

Гордостью верфей были суда-«кэты» — крепко сбитые трехмачтовые «угольщики», неказистые на вид, но обладавшие великолепными качествами: небольшой осадкой, остойчивостью и солидной грузоподъемностью (они вмещали триста—шестьсот тонн угля при сравнительно небольших габаритах).

Пройдет три десятилетия, и «угольщики» из Уитби обретут всемирную славу. Именно на кораблях этого типа совершит Кук свои великие плавания.

В 1746 году «кэты» пользовались известностью только на берегах Северного моря и Балтики. На них ходили тогда не мореплаватели-кругосветники, а скромные шкиперы-углевозы.

Обучение морской науке Кук начал на «кэте» «Фри-

лав». Наука была нелегкая. Приходилось драить палубу, совместно с товарищами по плаванию ставить паруса, брать их на рифы, нагружать и разгружать судно. Надо было помогать коку и рулевым и попутно осваивать азы искусства кораблевождения.

Изнурительные авралы, «собачьи вахты», соленая ругань боцманов — все это выпало на долю Кука в начале его морской службы.

«Фрилав», вероятно, использовался не только как грузовое, но и как учебное судно. Его команда насчитывала девятнадцать человек, и в число это входило десять юнг.

Корабль почти все время был на плаву, а в дни коротких стоянок в Уитби все юнги работали на верфи. В 1746—1748 годах Уокеры построили девять «кэтов», и Кук имел отличную возможность на своем опыте ознакомиться с конструкцией этих судов.

Кук, навещая Уитби, всегда жил в доме Уокеров. Джон Уокер, фактический глава фирмы, был покровителем Кука, и великий мореплаватель до конца своих дней относился к нему с уважением и любовью. По-матерински пестовала юного жильца экономка Уокеров Мэри Прауд.

В 1748 году Кук перешел на чуть больший корабль «Три Брата». Год спустя истек срок его контракта, и он, уже как полноправный матрос, заключил новый договор с фирмой Уокеров. По ступеням углевозной карьеры Кук продвигался быстро. Уже в 1752 году он стал помощником шкипера на судне «Френдшип», а весной 1755 года братья Уокер обещали ему при первой возможности предоставить должность шкипера.

Это было лестное предложение, но вопреки всем ожиданиям Кук покинул фирму Уокеров, сохранив с ее владельцами наилучшие отношения, и 17 июня 1755 года завербовался в военный флот в качестве матроса первой статьи (able seaman).

Решение странное. В доброй старой Англии недаром считали, что флотская служба хуже каторги. Матросов доводили до полного изнеможения, за мельчайшую провин-

ность их нещадно секли. Кормили во флоте его величества отвратительно, цинга, тиф, желудочные болезни наносили корабельным командам гораздо больший урон, чем вражеские ядра и пули. За всю Семилетнюю войну (1756—1763 гг.) в боях с французами и испанцами погибла 1512 британских моряков, а разные недуги за это время унесли не менее пятидесяти тысяч жизней.

На корабле «Игл», на котором Кук начал свою боевую службу, за пять месяцев 1756 года ни один человек не пострадал от неприятеля, а от болезней умерло 27 и списано было в госпиталь 130 моряков, причем смерть скосила судового лекаря, а на госпитальные койки попали оба его помощника.

Пополнять убыль в живой силе британскому флоту приходилось всеми возможными и невозможными средствами. Случалось, что вербовщики спаивали попавшихся в их сети простаков, а затем в мертвецки пьяном виде доставляли свои жертвы на борт.

Зато и дезертиров было очень много. В войну 1776—1783 годов англичане потеряли в морских боях 1243 человека, а бежали с кораблей 42 069 моряков — третья часть личного состава флота!

Кроме того, офицерского звания удостаивались обычно одни только «джентльмены», т. е. особы благородного происхождения. Сыновья батраков могли занять самые низшие офицерские должности только в порядке редчайшего исключения.

Правда, в военное время убыль командного состава приходилось пополнять, нарушая установившиеся традиции. Но с другой стороны, не было и гарантии, что смертоносная пуля или хищная цинга пощадят плебея, претендующего на офицерскую вакансию.

В 1755 году уже шла необъявленная война между Англией и Францией, хотя формально она началась в мае 1756 года. Что́ война уже шла, Кук, конечно, прекрасно знал. Опрометчивых решений он никогда не принимал и в данном случае тщательно взвесил шансы на возможный

успех. Что ж, шансы были. Во флоте его величества немногие матросы первой статьи обладали такими качествами характера, таким опытом и такими знаниями мореходной науки, как бывший подшкипер углевозного судна Джемс Кук.

Шестидесятипушечный корабль «Игл» был причислен к флотилии, которая блокировала атлантические порты Франции. По существу это была, однако, не блокада, а охота за отдельными судами, чаще всего торговыми, каковые после поимки пригонялись в качестве приза в Плимут или Портсмут.

Матросом первой статьи Кук прослужил всего лишь месяц. Затем он стал помощником штурмана, а полгода спустя был назначен боцманом. Должности эти были унтерофицерские, и пока еще ничто не предвещало головокружительной морской карьеры.

В октябре 1755 года командиром «Игла» назначен был капитан Хью Паллисер. Йоркширец родом, он быстро оценил способности своего земляка. В дальнейшем ему довелось сыграть очень большую роль в судьбе Кука.

В 1756 году к Паллисеру обратился с письмом член парламента от йоркширского города Скарборо У. Осбалдстон. Автор письма от своего имени и от имени Джона Уокера просил оказать Куку содействие в получении офицерского звания.

Паллисер, сын пехотного капитана, был в ту пору всего лишь одним из командиров многокорабельного британского флота. Он не обладал влиянием, необходимым для исполнения просьбы йоркширского парламентария, но заверил Осбалдстона, что совершит все возможное, дабы Кук получил «полуофицерское» звание штурмана.

Соответствующие шаги были предприняты, и Куку разрешили сдать экзамен на штурманское звание. 29 июня 1757 года он блестяще выдержал этот экзамен. На следующий день Кук был назначен штурманом на небольшой корабль «Солбей», а в октябре 1757 года переведен на шестидесятичетырехпушечный фрегат «Пемброк».

Штурманы, не имея офицерских прав, выполняли офицерские обязанности. Они отвечали за всю навигационную службу. Они прокладывали курс корабля, они вели корабль к цели. Как правило, в искусстве судовождения они превосходили капитанов флота его величества.

В следующем, 1758 году англичане начали успешные операции в Канаде, которая с начала XVII века принадлежала Франции. План кампании был разработан при участии молодого и одаренного генерала Джемса Уолфа.

В глубь Канады вел удобный водный путь — широчайшая река Св. Лаврентия, которая впадала в одноименный залив. Если англичанам удалось бы захватить крепость Луисбург в горле этого залива, а затем, двигаясь вверх по течению реки Св. Лаврентия, овладеть столицей Канады Квебеком, кампания была бы выиграна. Без Квебека французы не смогли бы удержать свои поселения в верховьях реки Св. Лаврентия.

В мае 1758 года большая британская флотилия, в состав которой входил «Пемброк», вступила в канадские воды. 157 кораблей приняли участие в осаде Луисбурга. В конце июля 1758 года Луисбург пал.

Однако от Луисбурга до Квебека было 600 миль. Трудных миль — ведь плёсы и перекаты «французской» реки Св. Лаврентия были неведомы англичанам.

Всю зиму 1758/59 года в Галифаксе, где стоял «Пемброк», Кук в содружестве с геодезистом С. Холландом изучал французские трофейные карты[1].

[1] И учился сам. Лейтенант Дж. Кинг, участник последнего плавания Кука, писал: «Я часто слышал от него, что в ту суровую зиму он впервые одолел всего Евклида и без всякой помощи, уповая лишь на себя и имея мало книг, изучал математику и астрономию».

Без всякой помощи... Самоучкой, в трудных плаваниях и на случайных стоянках, все ночи напролет, Кук изучал основы астрономии и геодезии, тригонометрию и алгебру. Он буквально наизусть знал труды своих предшественников — мореплавателей XVI и XVII веков. Он много читал и интересовался не только специальной литературой. Он не владел

В результате Кук и Холланд «с чужих глаз» составили карту реки Св. Лаврентия. В точности ее они не были уверены. И в начале лета 1759 года Кук, Холланд и несколько штурманов с других кораблей совершили истинный подвиг. Под огнем французских пушек они обследовали самый трудный участок реки непосредственно ниже Квебека, проход, который французы называли Травер, а англичане — Треверс. Река здесь была широка, но в ее русле таились опасные мели и подводные камни. Узкий фарватер проходил между двух островов близ южного берега. Все бакены французы сняли. Кук и его соратники с риском для жизни устанавливали новые вехи и вели промеры вдоль опасного прохода. Вехи приходилось ставить не раз и не два, французы систематически их уничтожали, но в конце концов весь Треверс был обследован и положен на карту.

В июне 1759 года 22 боевых корабля и 119 транспортов форсировали проход. Ни одно судно не было потеряно, все они подошли к Квебеку, и командующий британскими десантными частями генерал Джемс Уолф вызвал к себе Кука, чтобы выслушать его советы о расстановке кораблей на подступах к канадской столице.

В сентябре 1759 года Квебек сдался англичанам. При штурме города генерал Уолф погиб. С падением Квебека война в Канаде фактически была выиграна англичанами.

Кук сразу же после взятия Квебека был переведен на семидесятипушечный корабль «Нортумберленд», которым командовал лорд Александр Колвилл.

В мирной обстановке (вся Канада была захвачена англичанами в 1760 году) Кук вел съемки на берегах Новой Шотландии и островов Кейп-Бретон и Ньюфаундленд.

Неоднократно — в этом мы уже могли убедиться — Кук принимал быстрые, неожиданные и смелые решения.

иностранными языками, но без труда управлялся с французскими лоциями и с работами французских путешественников.

И, что важнее всего, он обладал ясным критическим умом и способностью трезво оценивать мнения авторов, книги которых ему приходилось штудировать.

А в 1762 году он «превзошел самого себя». Осенью этого года «Нортумберленд» на короткое время возвратился в Англию, и, спустя шесть недель после того, как корабль отдал якорь в британских водах, его штурман обвенчался с девицей Елизаветой Беттс. Невесте было 20 лет, родилась она в одном из селений графства Эссекс. Как и когда с ней познакомился Кук, неясно. Возможно, он впервые встретил Елизавету в доме ее дяди, чиновника морской таможни, возможно, он ее знал еще до своей службы в Канаде.

Много горя пришлось испытать жене великого мореплавателя. За шестнадцать лет супружества Кук провел в лоне своей семьи года три или четыре. Из шести детей, рожденных Елизаветой, трое умерло в детстве, трое в юности. Сама она овдовела в тридцативосьмилетнем возрасте и пережила мужа на 56 лет.

Молодожены расстались вскоре после свадьбы. Уже в мае 1763 года Кук прибыл на Ньюфаундленд вместе с губернатором этого острова Томасом Грейвсом. К этому времени Семилетняя война закончилась, в феврале 1763 года был подписан Парижский мир, необычайно выгодный для Англии.

В Северной Америке ее владения возросли вдвое, и в Лондоне решили скорее положить на карты берега, заливы, бухты и острова во вновь приобретенных землях.

Кук к тому времени считался одним из самых опытных картографов британского флота, и губернатор Грейвс поручил ему съемку ньюфаундлендских берегов.

Летом 1763 года Кук блестяще выполнил одно сугубо секретное поручение. По Парижскому договору Англия милостиво обещала вернуть Франции два маленьких островка, лежащих близ Ньюфаундленда, — Сен-Пьер и Микелон. И вот до прибытия французских представителей Кук за очень короткий срок составил карту этих островков.

В 1764 году Грейвса на посту губернатора Ньюфаундленда сменил Паллисер. Паллисер предоставил Куку семидесятитонную шхуну «Гренвилл». Эта шхуна стала плавучим штабом небольшой съемочной партии Кука.

1763, 1764, 1765, 1766, 1767 годы... Годы зрелости...

Ньюфаундленд, восточный берег Лабрадора... Голые скалы, узкие щели фьордов, рваные берега заливов и бухт, тесные проливы. Туманы, мелкие дожди, зимние метели, студеные северные ветры. Берега, берега, берега, тысячи миль берегов, драконовы зубы рифов, предательские подводные камни, мели, водовороты. На суше — болота, дремучие леса, белоголовые горы.

Пеленги на высоту Икс, пеленги на островок Игрек, компасы, мензулы, буссоли, секстанты, бесконечные мили трасс, неисчислимое множество цифр.

И так изо дня в день на протяжении пяти лет.

В итоге десятки карт. В итоге первое в этих краях астрономическое определение долготы[1].

На «Гренвилле» окончательно сформировался характер неутомимого, настойчивого, выносливого штурмана безвестной топографической службы.

Весной 1768 года в жизни Кука произошли невероятные события.

Лейтенант Кук, да, лейтенант — в 40 лет он наконец-то получил это звание — назначен был командиром большой экспедиции, которая направлялась в южные моря.

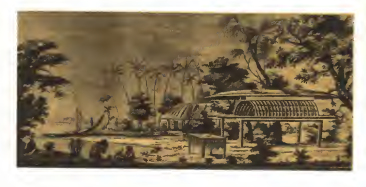
Официальная ее цель была астрономическая — наблюдение за прохождением Венеры через солнечный диск. Неофициальная — сугубо земной и сугубо секретной. Требовалось найти и ввести во владение британской короны гигантский и неуловимый Южный материк.

Зачем понадобились его поиски? Почему задача эта была возложена именно на Кука?

Ответ на эти вопросы дает предыстория его первой кругосветной экспедиции.

[1] В августе 1766 года Кук наблюдал на островке Бургео, лежащем у юго-западной оконечности Ньюфаундленда, солнечное затмение и по данным этого затмения точно определил долготу Ньюфаундленда. Сообщение о наблюдениях на Бургео было опубликовано в журнале «Philosophical transactions of the Royal Society» за 1767 год.

Terra Australis incognita
(Неведомая Южная Земля)



Она, эта огромная Южная Земля, появилась на картах географов античных времен. Клавдий Птолемей, Помпоний Мела, Макробий — великие авторитеты древности — стояли у истоков этой заманчивой легенды.

Проверить ее не имели возможности ни мореплаватели античной поры, ни их последователи эпохи раннего средневековья.

Только во второй половине XV века в моря южного полушария проникли португальцы. Португалец Бартоломеу Диаш обогнул мыс Доброй Надежды, по его следам морской путь из Европы в Индию проложил Васко да Гама.

В 1513 году испанец Бальбоа пересек Панамский перешеек и открыл «Южное море» — Тихий океан.

Восемь лет спустя через Тихий океан совершил переход Магеллан, португалец на испанской службе.

Маршрут его был таков: выйдя из пролива, названного впоследствии в его честь, он круто повернул на север, шел в этом направлении до 26-го или 25-го градуса ю. ш., а затем направился на северо-запад.

Это был наивыгоднейший маршрут. Магеллан сперва плыл по течению Гумбольдта, которое следует с холодного

юга на теплый север вдоль чилийских и перуанских берегов, а затем пересек Тихий океан в полосе попутных юго-восточных пассатов и восточных течений.

Ныне морские лайнеры, следуя с востока на запад, свободно могут пересекать Тихий океан на широте Магелланова пролива. Но в эпоху парусного флота такой переход был маловозможен. В 50-х и 40-х широтах южного полушария дуют стойкие западные ветры, и преодолеть их редко когда удается даже самым удачливым капитанам парусных кораблей.

Поэтому вплоть до плаваний Кука решительно все мореходы, которые шли на запад либо от Магелланова пролива (и самой южной оконечности Южной Америки — мыса Горн, открытого в 1616 году), либо от берегов Перу, пересекали Тихий океан в южных тропических широтах.

Естественно, что часть Тихого океана к югу от Южного тропика оставалась сплошным белым пятном. Равным образом необследованными были и южные части Атлантического и Индийского океанов.

Между тем в сознании географов и картографов XVI—XVIII веков прочно удерживалась античная концепция великой Южной Земли.

Эту землю наносили на карты мира, за ее выступы принимались тропические и субтропические острова. В 1606 году испанский мореплаватель Кирос, открыв в западной, тропической части Тихого океана благодатную сушу, счел ее частью большого Южного материка, названного им Южной Землей святого духа (Tierra Austral del Espiritu santo). На самом же деле это был небольшой остров в архипелаге Новых Гебрид.

В том же 1606 году, почти одновременно, голландец Янсзон и участник экспедиции Кироса испанец Торрес открыли самую северную оконечность австралийского полуострова Кейп-Йорк. В первой половине XVII века голландцы открыли северный, западный и часть южного берега Австралии (в ту пору и позже, до начала XIX века, пятый материк назывался Новой Голландией).

Этот массив суши сперва объявили частью Южной Земли, но в 1642—1643 годах голландец Тасман, обойдя Новую Голландию по кольцевому маршруту, доказал, что она представляет собой особый континент. Тасман не заметил восточных берегов Новой Голландии — он шел слишком далеко от них, но зато он открыл участок побережья Новой Зеландии, который многие географы сочли частью южного материка.

В XVIII веке гипотеза гигантской Южной Земли получила весьма строгое научное обоснование. Приверженцами этой гипотезы оказались выдающиеся европейские ученые, и их авторитет был непререкаем для организаторов экспедиций в южную половину земного шара.

Известный французский математик и астроном Пьер Луи Мопертюи создал теорию равновесия материковых площадей. Он доказывал, что поверхность материков в северном и южном полушариях должна быть одинаковой. А поскольку лежащие к югу от экватора части Южной Америки и Африки никак не могли сравниться с огромными материками северного полушария, то, по мнению Мопертюи, «дефицит площади» вполне компенсировался исполинским Южным материком.

Рьяным сторонником теории Южной Земли был английский гидрограф Александр Дальримпль.

Южный материк Дальримпля был весьма обширен. «Континент этот, — писал Дальримпль, — больше всей цивилизованной части Азии от Турции до восточной оконечности Китая». Он сверхточно определил, что длина этого материка равна 4596 географическим, или 5323 статутным, милям, т. е. 8516 километрам. Дальримпль населил свой Южный континент пятьюдесятью миллионами жителей!

Гипотеза великого Южного материка, рожденная в кабинетной тиши, в середине XVIII века внезапно приобрела изрядную популярность и оказала влияние на внешнюю политику двух великих держав — Англии и Франции.

Короли, министры, адмиралы обеих держав уверовали

в справедливость умозрительных теорий Мопертюи, Дальримпля и их единомышленников.

Борьба за неоткрытый материк началась после Семилетней войны. В ходе этой войны Англия приобрела значительные выгоды. Она вытеснила Францию из Индии, отобрала у своей вековечной соперницы Канаду и закрепилась на всех морских путях земного шара.

Англия нуждалась в новых рынках и в новых колониях, но путь к дальнейшим захватам по-прежнему преграждала Франция. «Франция, — говорил первый министр Людовика XV Шуазель, — не пожалеет усилий, чтобы утвердиться в любых морях, где подобные попытки предпринимают англичане... Франция не допустит основания Англией колоний в любой части света».

«...в любой части света». А разве не был новой частью света Южный материк, который, по утверждениям авторитетнейших ученых, во много раз превышал по площади Индию и Канаду, а по населению, если верить Дальримплю, превосходил Англию и Францию, вместе взятые?[1]

И вот в 1764 году началась бескровная англо-французская война в южных морях.

В 1764 году в Англии была организована кругосветная экспедиция под началом коммодора Джона Байрона, деда великого поэта. Байрон ничего не открыл в южных морях, но он стремительно промчался по Магеллановой трассе, вызвав тревогу в Версале, при дворе Людовика XV.

Сразу же после возвращения Байрона в южные моря была послана из Англии новая экспедиция на двух кораблях под командой Сэмюэла Уоллиса и Филиппа Картерета. В 1766 году корабли экспедиции отправились в путь. По выходе из Магелланова пролива они разминулись. Уоллис прошел через архипелаг Туамоту, впервые посещенный еще Киросом, а затем открыл «жемчужину Океании» — остров Таити. Покинув в конце июля 1767 года Таити,

[1] В 60-х годах XVIII века во Франции насчитывалось 22—23 миллиона жителей, а в Англии 8—9 миллионов.

Уоллис прошел между островами Тонга и Самоа, ранее уже открытыми европейцами, и через Батавию (Джакарту) и Кейптаун проследовал в Англию, куда прибыл 20 мая 1768 года.

Картерет в Тихом океане шел чуть южнее своих предшественников. Значительных открытий он не совершил и вернулся домой тем же путем, что и Уоллис, но на год позже его.

Франция отстала от Англии на старте новых плаваний, но зато французы лучше к ним подготовились.

В 1766 году из французского порта Сен-Мало отправился в кругосветное плавание Луи Антуан Бугенвиль. Математик, юрист, мореплаватель, он отличался большой отвагой, трезвым умом и способностью к беспристрастным наблюдениям. Ему предстояло разрешить загадку таинственной Южной Земли святого духа, некогда открытой Киросом. Он посетил Таити на девять месяцев позже Уоллиса и в мае 1768 года обнаружил «Землю святого духа». Обнаружил и с горьким разочарованием установил, что она всего лишь маленький остров довольно обширного архипелага. Этому созвездию островов (Бугенвиль осмотрел только северную его часть) присвоено было название Больших Киклад. Затем он через Батавию и Кейптаун возвратился во Францию в марте 1769 года.

Бугенвиль также пользовался Магеллановым маршрутом, он не отклонялся от него к югу на сколько-нибудь значительную дистанцию, но, завершая свое плавание, пришел к смелым выводам. «География, — писал он, — наука фактов. Дух системы, не выходящий из стен кабинета, не может ничего дать, не впадая в грубейшие ошибки...» «Я, — продолжал он, — путешественник и моряк, а стало быть, лжец и слабоумный человек в глазах тех ленивых и надменных авторов, которые в тиши своих кабинетов до помрачения рассудка философствуют о Земле и ее обитателях и упорно подчиняют природу прихотям своего воображения».

Справедливое мнение, но, к сожалению, пока еще без-

доказательное. Ведь в полосу тридцатых и сороковых широт Тихого океана Бугенвиль не проникал.

Подведем некоторые итоги. Во-первых, до 1768 года все экспедиции, которые шли через Магелланов пролив или в обход мыса Горн, пересекали Тихий океан в узкой полосе юго-восточных пассатов, между 8 и 25° ю. ш. Во-вторых, главным образом в силу этого обстоятельства в географической науке прочно удерживалась концепция Неведомой Южной Земли, якобы занимающей огромное пространство в южном полушарии. В-третьих, после плаваний Байрона, Уоллиса—Картерета и Бугенвиля вопрос о существовании этой Южной Земли оставался открытым.

В 1768 году в Англии знали, что Бугенвиль отправился в южное море. Знали также, что он человек даровитый и настойчивый. Уоллис к началу 1768 года еще не вернулся. Стало быть, говорили в Адмиралтействе и Королевском обществе, необходимо как можно скорее организовать новую экспедицию и упредить французов в деле поиска Южного материка.

Вот тут-то и вспомнили о планете Венере. Венера не часто проходит через солнечный диск. Это явление за последние триста лет наблюдалось всего лишь пять раз — в 1639, 1761, 1769, 1874 и 1882 годах. Очередное прохождение Венеры через солнечный диск состоится в 2004 году.

Первым описал это астрономическое событие в 1639 году англичанин Дж. Хоррок. В последующие годы астрономы всегда с нетерпением ожидали соответствующий «сеанс». Данные наблюдений за Венерой, пересекающей солнечный диск, позволяли точно определить расстояние от Земли до Солнца. А в 1761 году М. В. Ломоносов открыл атмосферную оболочку Венеры.

3 июня 1769 года прохождение Венеры можно было наблюдать у Северного полярного круга и в тропических широтах южного полушария.

Перефразируя Вольтера, уместно сказать, что, если бы Венеры не было, надо было бы ее выдумать. В самом деле,

создавался прекрасный предлог для отправки солидной экспедиции к Южному материку.

Король Георг III выделил для ее снаряжения четыре тысячи фунтов стерлингов. В конце марта 1768 года Адмиралтейство приобрело в Уитби крепкий «угольщик» водоизмещением в 370 тонн. Корабль получил знаменательное название «Индевр» («Попытка»).

В эти же дни возник вопрос о командире экспедиции. Ученые выдвинули кандидатуру Дальримпля, с их точки зрения необыкновенно удачную: ведь Дальримпль был одним из создателей «кабинетной» теории Южного материка.

Однако первый лорд Адмиралтейства Эдвард Хаук с марсофлотской откровенностью сказал: «Лучше я отрублю себе правую руку, чем допущу особу цивильного звания командовать морской экспедицией».

Среди моряков было немало достойных претендентов на пост главы экспедиции. Но уже в начале апреля всплыла кандидатура Кука. Заметную роль при этом сыграл Паллисер, который весной 1768 года находился в Лондоне вместе с Куком. Он отрекомендовал Кука секретарю Адмиралтейства Филиппу Стефенсу, а Стефенс, «серый кардинал» британского морского ведомства, убедил темпераментного лорда Эдварда Хаука и его коллег назначить Кука на то место, которое не досталось Дальримплю.

Командиром «Индевра» Кук официально был утвержден 25 мая 1768 года. За пять дней до этого в Лондон прибыл Уоллис. Он так расхвалил новооткрытый остров Таити, что Адмиралтейство избрало этот уголок земного рая базой экспедиции.

30 июля 1768 года, в день ухода «Индевра» в плавание, Кук получил две инструкции. Одна из них была сверхсекретной и предписывала главе экспедиции от берегов Таити проследовать в поисках Южного материка до 40° ю. ш. «...В том же случае если континент не будет открыт, — отмечалось в инструкции, — Вы отправитесь на его поиски к Западу, следуя между вышеупомянутой широтой и широтой 35°, пока не откроете его или не достигнете восточного берега земли, открытой Тасманом и ныне называемой Новой Зеландией».

Затем указывалось, что эту самую Новую Зеландию следовало «с согласия туземцев (?) ввести во владение короля Великобритании». От Новой Зеландии Кук мог отправиться в обратный путь либо вокруг мыса Доброй Надежды, либо в обход мыса Горн.

Захватить, овладеть, закрепить во владении Великобритании — таковы были веления секретной инструкции.

Однако маршрут экспедиции намечался не по рутинным трассам европейских кругосветников.

До 1768 года поиски в Тихом океане Южного материка велись в тропическом поясе, и один только Тасман про-

ник в загадочные сороковые широты южного полушария.

«Индевр» был вполне надежным судном. Правда, не очень емким. 370 тонн — вместимость маловатая, если принять во внимание, что экспедиция была рассчитана на два года. На «Индевре» «про запас» было установлено 22 пушки.

Мореходным качествам «Индевра» могли позавидовать командиры любых дальних экспедиций. «Корабль этот, — писал Кук, — хороший ходок и легок в управлении».

С командой дело обстояло хуже. Набиралась она без участия Кука, в портах, где без дела слонялись тысячи моряков, выброшенных на сушу после окончания Семилетней войны. Не мудрено, что уже при переходе из устья Темзы в Плимут с «Индевра» бежало 18 матросов, после чего Кук списал на берег еще четверых морских бродяг.

По старой британской традиции на «Индевре» числилось несколько юных отпрысков знатных и влиятельных особ, так называемых мидшипменов. Некоторые мидшипмены (сугубо условно их можно назвать гардемаринами) доставили Куку немало хлопот в ходе плавания.

И все же за время долгого плавания сплотилась недурная команда. Своего рода закваской для нее послужила пятерка матросов, взятых Куком со шхуны «Гренвилл», и десятка три опытных и отважных унтер-офицеров и матросов.

Отлично себя зарекомендовал первый помощник Кука лейтенант Захария Хикс (ему не суждено было возвратиться на родину). Второй помощник Кука лейтенант Гор, штурман Роберт Молине, помощники штурмана Ричард Пикерсгилл и Френсис Уилкинсон участвовали в кругосветном плавании Уоллиса, а помощник штурмана (на последнем этапе путешествия второй помощник Кука) Чарлз Клерк обошел земной шар на корабле Байрона.

На «Индевре» сформировалось ядро грядущих экспедиций Кука. С этими экспедициями связали свои имена лейтенанты Гор и Клерк, подштурман Пикерсгилл, мид-

шипмены Манли и Харвей, унтер-офицеры Терелл, Грей, Смит, Рамзи, Андерсен, матросы Даусон, Коллет, Марра, Пековер, солдат морской пехоты Гибсон.

«Индевр» был плавучей обсерваторией и плавучей ученой коллегией. Наблюдения за Венерой должен был вести молодой астроном Чарлз Грин. Ботанические исследования взял на себя ученик великого Линнея швед Даниэль Соландер. А во главе «коллегии» стоял двадцатипятилетний натуралист Джозеф Бенкс. Он был владельцем огромных поместий, которые приносили ему ежегодно 6000 фунтов. Человек безмерно любознательный и эрудированный, он одновременно был зоологом, ботаником, географом и этнографом. За время плавания на «Индевре» Бенкс истратил на всевозможные исследования 10 000 фунтов. Сумма внушительная, но и велика была свита Бенкса. В нее входили натуралист Герман Спаринг, два художника — Сидней Париксон и Александр Бьюкен, двое белых и двое черных слуг. Кроме того, Бенкс взял с собой двух собак.

Бенкс возвратился из плавания с огромным гербарием и различными коллекциями. Путешествие в южные моря принесло ему немалую известность. В 1778 году он был избран президентом Королевского общества и на этом посту оставался до самой смерти, а умер он в 1820 году.

В штат экспедиции входили также судовой лекарь Уильям Монкхауз и его помощник Уильям Перри.

При выходе в море в экипаже «Индевра» числилось 98 человек (судовая команда — 74 моряка, отряд морской пехоты — 12 штыков, сверхштатный состав: ученые и их слуги — 12 душ).

26 августа 1768 года «Индевр» покинул Плимут. К Таити Кук должен был направиться вокруг мыса Горн. После краткой стоянки на Мадейре Кук 13 ноября 1768 года привел «Индевр» в Рио-де-Жанейро, столицу Бразилии, которая в то время была португальской колонией.

Вице-король дон Антониу де Моура, граф Азамбужа, счел «Индевр» контрабандным судном, а корабельную

команду шайкой висельников. Отчасти такое мнение объяснялось тем, что матросы «Индевра» не носили форму.

Документы, предъявленные Куком, вызвали у дона Антониу недоверие. В полное сомнение вице-король впал, когда узнал, что целая сотня англичан устремляется в Тихий океан якобы для наблюдения за планетой Венерой...

Роскошные тропические ландшафты бухты Гуанабары, на берегах которой стоит Рио-де-Жанейро, видимые издали, но недоступные, по словам Соландера, вызывали у натуралистов муки страшнее танталовых. Соландер все же побывал на берегу, пристроившись к водовозной партии, тайно посетил запретный берег и Бенкс с частью своей свиты.

Противные ветры держали «Индевр» в бухте Гуанабара до 3 декабря.

За это время Кук составил блистательный обзор системы укреплений Рио-де-Жанейро, тем самым отчасти оправдав вице-королевские подозрения.

Рождество экипаж «Индевра» встретил в открытом море. 26 декабря Кук внес в свой журнал краткую запись: «Вчера праздновали рождество: на корабле не было трезвых». Бенкс по этому поводу заметил: «Все добрые христиане, говоря по совести, были чудовищно пьяны. Ни одного мало-мальски трезвого человека на борту не было; благо еще, что ветер был умеренным — должно быть, господу ведомо было, в каком состоянии мы находились».

За участие в рождественской оргии Кук никого не наказал. А между тем за четыре месяца плавания пятеро матросов за различные проступки получили по двенадцать плетей и наказан был помощник боцмана за попустительство к нарушителям судовой дисциплины. Команда уже успела осознать, что командир корабля строг и неумолим.

Однако Кук знал, когда следует чуть ослабить вожжи. После ста двадцати дней плавания дан был день «отгула». Кук слегка кривит душой, а Бенкс ошибается — на борту 25 декабря был один трезвый человек — капитан «Индевра» лейтенант Джемс Кук.

В середине января 1769 года экспедиция остановилась в бухте Буэн-Сусесо, которая лежала на восточном берегу Огненной Земли. Здесь погибли черные слуги Бенкса Ричмонд и Долтон.

25 января 1769 года «Индевр» обогнул мыс Горн. От этого мыса Кук через архипелаг Туамоту прошел к Таити, и 13 апреля 1769 года «Индевр» отдал якорь в бухте Матаваи на северном берегу острова.

Таити... Просвещенным спутникам Бугенвиля этот остров казался живым олицетворением философской идиллии Руссо, миром первобытных счастливцев. Французских гостей очаровывали нежные и теплые краски острова вечной весны, избавленного от кромешного изобилия амазонской сельвы или бенгальских джунглей. Дышали покоем благодатные долины, весело бормотали быстрые ручьи, сбегающие с лесистых гор.

Мнилось околдованным парижанам, будто мирные таитяне живут в золотом веке: любые потребности этих баловней судьбы с избытком удовлетворяет щедрая таитянская природа; растут на могучих деревьях аппетитные хлебные караваи, роняют кроны кокосовых пальм увесистые орехи к ногам беззаботных аборигенов. А в тучной земле зреют на радость этих счастливцев клубни ямса и бататов.

«Остров этот предстал предо мной, — говорил лекарь экспедиции Бугенвиля Филибер Коммерсон, — в таком свете, что я назвал его Утопией, или Страной Счастливых... и как раз такое название достойно страны (быть может, единственной на Земле), где люди живут, не зная ни пороков, ни предрассудков, без забот и раздоров. Рожденные под прекраснейшим небом, вскормленные плодами почвы, которая несметно богата, даже не будучи возделанной, управляемые скорее отцами семейств, чем королями, жители этой страны знают только одного бога, и имя ему Любовь».

Кук побывал на Таити спустя год после Бугенвиля и Коммерсона. Но совсем иначе он оценил не столь уж розовую таитянскую действительность. Сухо, сжато, ясно изложил он свои впечатления.

Многого он не понял. Ведь жизнь обитателей Океании он изучал в то время, когда европейцы почти ничего не знали о раннем прошлом человечества и первобытном обществе. Сын своей страны и своего века, он порой мерил на английский ярд таитянские обычаи, нравы и установления. Но он совершенно верно отметил: нет на Таити всеобщего равенства. Правят на острове алчные вожди *(арии)*, а обездоленные земледельцы *(манахуне)* с трудом сводят концы с концами. Да, писал Кук, изобильна здешняя природа, но она не даром отдает свои богатства, хотя и не требует непосильных затрат труда...

Он был превосходным наблюдателем и мастером сжатых и точных описаний быта народов, прежде неведомых в Европе. Вот как отзывается о нем как о народоведе видный советский этнограф С. А. Токарев: «Этнографические заметки капитана Кука отличаются — на это уже не раз и давно указывалось — прежде всего большой точностью и достоверностью. Кук умел подчас видеть яснее и понимать вернее, чем иной профессионал-ученый, то, что представлялось его глазам. Он видел не только внешние факты — тип, одежду, украшения, поведение туземцев, но умел распознать и социальные отношения; он разбирался даже в языках туземного населения, очень быстро овладевал им настолько, чтобы объясняться с местными жителями без переводчика. Но главное даже не в этом. Главное, пожалуй, заключается в большой научной, именно научной, хотя Кук не принадлежал к ученому сословию, добросовестности его наблюдений и записей; он всегда резко разграничивал то, что он сам видел и понимал, и то, что можно было предполагать, — разграничение, которое мы не всегда найдем у профессионалов-этнографов более позднего и даже нашего времени» [1].

Описание таитян было его первым опытом этнографических наблюдений, и этот опыт оказался весьма удачным.

[1] *С. А. Токарев.* Истоки этнографической науки. М., 1978, с. 100—101.

Несколько страниц из его дневника, посвященных материальному миру таитян, их обычаям и верованиям, их психологии, — это поистине краткая энциклопедия страны вечной весны.

Кук очень точно описал жилища островитян, их каноэ, их повседневное «меню», их способы изготовления материи из луба бумажно-шелковичного дерева. Коснулся он способов татуировки таитян, их религиозных церемоний и погребальных обрядов. Он отдал должное мастерству местных жителей, которые, не зная железа, олова, свинца и пользуясь лишь орудиями из камня, раковин, дерева, кости, строили прочные дома и быстроходные каноэ, да еще какие — некоторые вмещали семьдесят—восемьдесят гребцов!

На Таити сохранились еще многие виды общественной собственности, и далеко не всегда европейские нормы отвечали обычаям островитян. То, что англичане расценивали как воровство, по мнению таитян, считалось всего лишь заимствованием того или иного предмета.

На этой почве происходили весьма печальные недоразумения.

Спустя два дня после прибытия на остров в бухте Матаваи сооружен был небольшой форт, в котором помещалась обсерватория. Кук приказал провести вокруг форта черту, которую он не дозволял переступать островитянам.

Не успели моряки завершить постройку форта, как случилось несчастье. Один таитянин (а их собралось много у запретной черты) изловчился и похитил мушкет в палатке, предназначенной для хранения астрономических приборов. Начальник охраны приказал открыть огонь по группе «нарушителей» границ форта. При этом похититель мушкета был убит.

Хотя таитянам долго и упорно разъясняли, что право собственности на любые вещи, и тем более на оружие, священно, они вряд ли поняли, за что гости лишили жизни их сотоварища.

В начале мая островитяне похитили астрономический

квадрант. Кук захватил одного из вождей и отпустил его только после того, как квадрант был возвращен.

К такой тактике глава экспедиции прибегал после этого часто. В случаях каких-либо пропаж немедленно брались в плен заложники.

На Таити экспедиция пробыла ровно три месяца. 3 июня 1769 года Венера в положенное ей время прошла через солнечный диск. Однако материалы наблюдений, из-за которых якобы было предпринято плавание в южные моря, постигла беда.

Астроном Чарлз Грин умер на обратном пути, а его беглые и неразборчивые карандашные записи от 3 июня расшифровать никто не смог.

В конце июня 1769 года Кук и Бенкс совершили на катере круготаитянский поход. Курс намечали таитянские «лоцманы» (их было трое, и все они знали каждый камень на родных берегах), в ходе этой экскурсии был открыт в южной части Таити полуостров Таити-ити.

В июле, а в южном полушарии он соответствует нашему январю, не время было приступать к поискам Южного материка. Поэтому Кук решил осмотреть группу островов, лежащих сразу же к западу от Таити. С 16 июля по 9 августа он посетил, а стало быть и открыл (до него там не был ни один европеец), острова Хуахине, Тахоа, Болабола и Раиатеа.

Все они были похожи на Таити, но по величине намного уступали своему восточному соседу.

Весь архипелаг Кук назвал островами Общества (Society), возможно в честь Королевского общества.

Перед самым отплытием с острова Таити Кук взял на борт молодого жреца с острова Раиатеа Тупию. Тупиа просил увезти его в Англию. Во многом своими успехами в Океании Кук обязан этому молодому и необычайно даровитому раиатейцу.

У океанийцев от прадеда к деду, от деда к отцу, от отца к сыну передаются различные предания, устные летописи рода или даже целого острова. Тупиа был живой летописью

архипелага Общества. И самое главное, он был живой географической картой всей центральной Океании. В один прекрасный день он взял лист бумаги и нанес на него семьдесят четыре острова, рассеянные в радиусе двух тысяч миль от Таити. Мало того, он указал, разумеется приближенно, румбы от Таити на эти острова.

К несчастью, Тупиа в конце 1770 года умер по дороге в Англию в Батавии (Джакарте).

Во всей Полинезии, от Гавайев до Новой Зеландии и от острова Пасхи до островов Тонга, местные жители говорят на родственных и сходных языках. Поэтому Тупиа — а он очень быстро освоил английскую разговорную речь — оказался «внештатным переводчиком» экспедиции, когда она дошла до Новой Зеландии.

9 августа 1769 года Кук от острова Раиатеа направился на юг и, действуя согласно секретной инструкции, дойдя до 40°, круто повернул на запад. В местах, где он шел, не был до него ни один европеец. Никаких признаков Южного материка Кук не обнаружил. Более того, на 40° ю. ш. с юга, т. е. оттуда, где, по мнению Дальримпля и К°, следовало искать Южный материк, шло сильное волнение — признак широкого и открытого моря.

7 октября 1769 года мальчик-слуга Ник Юнг заметил на горизонте землю. То был мыс (его назвали мысом Ника) у небольшой бухты, врезанной в новозеландский берег.

9 октября состоялась на берегу первая встреча с коренными жителями — маори. Она окончилась весьма плачевно — моряки убили двух островитян. 10 числа при повторной стычке погибло трое новозеландских воинов.

Наиболее возмутительный случай последовал 9 ноября 1769 года в бухте Меркьюри на северном берегу Северного острова. К «Индевру» подошло несколько каноэ, и сидящие в них маори приступили к меновому торгу. Вахтенный начальник лейтенант Гор предложил одному островитянину кусок английской ткани и взамен потребовал новозеландскую накидку. Владелец его ткань взял, но затем дал понять, что со своей собственностью расставаться не намерен.

В ответ на это Гор выстрелил из мушкета и наповал убил несчастного новозеландца[1].

Участник плавания, чьи лишенные подписи дневники нашел Дж. Биглехол (о Биглехоле см. стр. 6 и 102—109), с полнейшим цинизмом комментировал это происшествие таким образом: «...если бы мы карали за каждый недостойный поступок с такой же строгостью, то скоро истребили бы всех туземцев и нам не с кем было бы торговать».

Кук отозвался о преступлении, совершенном Гором, так: «Я описал этот случай со слов Гора и должен признаться, что сам не одобрил его, считая, что наказание было слишком суровым для столь незначительного проступка. Мы достаточно были среди этих людей, чтобы узнать, как следует их наказывать за подобные пустячные провинности, не отнимая у них жизнь».

Как же вообще относился Кук к жителям тех земель, на которых он бывал в своих плаваниях? Его английские биографы нередко подчеркивают, что великий мореплаватель был необыкновенно гуманным человеком и что он с радостью приобщал «туземцев» к благам цивилизации и с этой целью раздавал океанийцам европейских животных и семена европейских сельскохозяйственных культур.

На самом деле Кук в сношениях с коренными жителями Океании и Северной Америки прежде всего руководствовался трезвым расчетом.

Кук полагал, что, склоняя «туземцев» к покорности, выгоднее применять мирные средства. Однако, говорил он, следует прибегать к оружию в тех случаях, когда в этом может встретиться необходимость.

Что же касается «бескорыстных» стремлений Кука одарить океанийцев европейскими свиньями и козами, а также различными семенами, то нельзя не отметить, что благие

[1] Показательно, что «дикие» маори рассудили это происшествие справедливее, чем англичане. Совет местных жителей решил, что, поскольку убитый совершил кражу, его смерть следует рассматривать как «уту», т. е. плату кровью, и, следовательно, возмездия за убийство не должно быть.

деяния эти Кук творил для того, чтобы приумножить грядущие доходы новых колоний Англии в южных морях.

Вернемся, однако, к событиям весны и лета 1769 года.

Пройдя к югу миль двести от мыса Ника, Кук у мыса Тернагейн (мыса Поворота) повернул на север и с 16 октября 1769 года по 9 февраля 1770 года обошел, следуя против хода часовой стрелки, весь Северный остров Новой Зеландии. С 10 февраля по 31 марта 1770 года он по ходу часовой стрелки обошел кругом Южный остров Новой Зеландии.

Надо было обладать редкой «географической» интуицией, чтобы задумать и совершить эти кольцевые маршруты. О форме новозеландской земли никто до 1769 года не имел понятия. Тасман только коснулся западного берега обоих островов, причем пролив между ними счел глубокой бухтой.

Итак, впервые в истории мореплавания было установлено, что страна эта представляет собой два больших острова. За шесть месяцев Кук обследовал и положил на карту 2400 миль береговой полосы и по существу вновь открыл Новую Зеландию, доказав при этом, что она не связана с Южным материком, в наличии которого глава экспедиции сильно сомневался[1].

В 1893 году британский адмирал У. Уортон, впервые издавший дневники первого плавания Кука, отметил: «Всякий, кому ведомо, сколь трудно плавание у берега, будет изумлен точностью, с которой нанесены были [Куком] кон-

[1] Сомневался в существовании Южного материка только Кук, Бенкс был убежден, что Южный остров Новой Зеландии представляет собой выступ Южного материка, и спорил с Куком на этот счет.

Кстати говоря, у Кука была феноменальная способность заранее предсказывать контуры берега, у которого шел его корабль. Если он утверждал, что за ближним мысом откроется большая бухта, то в девяти случаях из десяти такое предсказание оправдывалось. Волшебником Кук, разумеется, не был. Многое объясняется тем, что ему на пользу пошел опыт долголетней съемки капризных берегов Ньюфаундленда.

туры Новой Зеландии. Не было случая, чтобы так верно положен был на карту берег первым ее исследователем».

Таким образом, полуоткрытая Тасманом загадочная земля, которую многие кабинетные мореходы считали неотъемлемой частью Южного материка, заняла на мировой карте свое подлинное место.

Земля эта, пойманная в прочные координатные сети, напоминала по форме Италию, но Италию, разорванную надвое проливом Кука, и с почти калабрийским «носком», повернутым на север, Италию без Альпийской дуги и Сицилии, Италию, перемещенную из сороковых и тридцатых широт северного полушария в те же широты южного полушария. Даже по площади два острова Новой Зеландии примерно равны апеннинскому антиподу.

Климат в этой стране сходен с западноевропейским: лето довольно прохладное, а зима теплая, даже на Южном острове средние температуры всегда выше нуля, разумеется, за исключением Южных Альп — станового хребта Южного острова с вечными снегами на поднебесных вершинах.

Лет за пятьсот до Кука в Новую Зеландию пришли отважные люди. На быстрых каноэ они вышли на поиски новых земель из страны Гаваики, лежавшей далеко на северо-востоке от Новой Зеландии, возможно на островах Общества.

Из тропических культур маорийской прародины прижились, да и то лишь на Северном острове, ямс, бататы и таро.

На Южном острове, где эти корнеплоды не смогли приспособиться к более суровому климату, переселенцы жили охотой и рыбной ловлей. Везде — и на севере, и на юге — выходцы из страны Гаваики вели тяжелую борьбу за существование. Они говорили на языке, который прекрасно понимал раиатеец Тупиа; они сохранили обычаи и предания своей прародины, но утратили простодушную беззаботность своих далеких предков.

В битве за «батат насущный» сложились черты маорий-

ского характера — сурового и воинственного и выработался своеобразный кодекс чести.

Во времена Кука на обоих островах проживало более двухсот тысяч маори. Племена (а было их свыше сотни) вели свое начало от экипажей различных лодок, в давние времена прибывших из страны Гаваики. Каждая такая группа называлась вака (лодка), и у всех членов этой группы из рода в род передавались предания седой старины.

Между племенами обоих островов все время шли кровопролитные войны, а поэтому маори жили в укрепленных селениях («па») и никогда не расставались с оружием — боевыми топорами из нефрита и обсидиана, копьями и палицами.

В постройке каноэ маори были не меньшими мастерами, чем таитяне. О способах сооружения этих крепких и надежных лодок с вдохновением писал Те Ранга Хироа в своей книге «Мореплаватели солнечного восхода», отдал им должное и командир «Индевра», который основательно ознакомился с бытом, нравами и материальной культурой обитателей Новой Зеландии.

В конце марта 1770 года Кук привел «Индевр» на стоянку в проливе, который надвое разделяет Новую Зеландию. Этот широкий проход между Южным и Северным островами был назван в честь командира «Индевра» проливом Кука.

В проливе Кука, на северном берегу Южного острова, участники экспедиции обследовали большой залив, получивший название залива Королевы Шарлотты. В нем Кук облюбовал удобную гавань Шип-Ков, которую затем не раз посещали суда его экспедиций.

Программа исследований, намеченная секретной инструкцией, была выполнена. Кук мог с легким сердцем вернуться в Англию. Но на совете, созванном 31 марта 1770 года, он отверг вариант пути в обход мыса Горн, поскольку вот-вот должна была наступить зима.

Кук наметил иной маршрут: Новая Зеландия — мыс Доброй Надежды — Англия, но при этом глава экспедиции

предложил отправиться к мысу Доброй Надежды нехоженым путем: сперва, следуя на запад, достичь дотоле неведомого восточного берега Новой Голландии, вдоль него двинуться на север, а затем, обогнув Новую Голландию, через Батавию (Джакарту) направиться к южной оконечности Африки.

Это был необычайно трудный маршрут: ведь плыть надо было у непроведанного берега и обходить с востока, быть может, не только Новую Голландию, но и Новую Гвинею; должно быть, Кук не уверен был, есть ли между Новой Гвинеей и Новой Голландией пролив.

Предложение Кука было принято. 1 апреля Кук прошел мимо мыса Феруэлл — северо-западной оконечности Южного острова и взял курс на запад.

19 апреля 1770 года Кук достиг на 37° 40′ ю. ш. и 149° 17′ в. д. восточного берега Новой Голландии у самой южной его оконечности. Первый выступ этого берега, положенный на карту Куком, был назван мысом Хикса, в честь помощника капитана «Индевра». Все прочие названия на восточноавстралийском берегу, данные Куком, сохранились до нашего времени, кроме самого первого. На современных картах мыс Хикса носит название мыса Эверард.

У Кука был с собой английский перевод краткого извлечения из записок Тасмана, и, пользуясь им, преемник знаменитого голландца установил, что мыс Хикса лежит севернее Вандименовой земли (Тасмании), открытой Тасманом в 1642 году. Тасман счел Вандименову землю частью Новой Голландии, и эту ошибку Кук не смог исправить, он не заметил, что южнее мыса Хикс лежит восточный вход в Бассов пролив, отделяющий Вандименову землю от Новой Голландии. Пролив этот был открыт в 1798 году.

22 апреля с «Индевра» увидели на берегу людей. «Они казались нам очень темными и даже черными», — отметил Кук.

28 апреля на 34° ю. ш. состоялась первая высадка на новооткрытое побережье. С «Индевра» был спущен ял, на

котором отправились к близлежащему берегу Кук, Бенкс, Соландер и Тупиа. Небольшая группа темнокожих аборигенов при виде пришельцев исчезла в лесу. А сам лес обрадовал экскурсантов. В нем приметили даже пальмы.

29 апреля замечен был на берегу большой залив. У входа в залив на обоих мысах виднелись хижины. Кучка местных жителей скопилась на южном мысе.

Аборигены неприязненно встретили гостей и в дальнейшем уклонялись от контактов с белыми пришельцами.

Местность была отрадная. Рос на берегу не очень густой лес, а воздух в нем был удивительно свеж, и чуть кружил головы крепкий смолистый дух. Деревья в этом лесу были эвкалиптами, и, описав их, Бенкс и Соландер сделали важное ботаническое открытие.

В заливе, открытом 29 апреля, «Индевр» простоял до 6 мая. Однажды, когда Бенкс и Соландер возвратились, обремененные образцами растений, Кук в шутку сказал: «А не назвать ли этот залив Ботанической бухтой?» Незаметно название «Ботани-бей» проскользнуло на карты экспедиции и закрепилось на них.

6 мая 1770 года в нескольких милях к северу от бухты Ботани-бей Кук заметил «залив, или бухту, где, видимо, была удобная якорная стоянка». Командир «Индевра» так и не узнал, что эта «якорная стоянка», названная им бухтой Порт-Джэксон, — одна из величайших гаваней южного полушария. В 1788 году на ее берегу было основано первое европейское поселение — каторжная колония Порт-Джэксон. А ныне на ее месте стоит самый большой город Австралии — Сидней.

До последних дней мая Кук вел «Индевр» вдоль центрального участка восточного берега Новой Голландии. На холмистом побережье росли такие же леса, как в бухте Ботани-бей. Кое-где заметны были дымки, видимо, в береговой полосе было немало стоянок аборигенов.

С середины мая примерно с 26° ю. ш. леса стали постепенно редеть, местность принимала малогостеприимный облик.

В конце мая и в начале июня «Индевр» вошел в чрезвычайно опасную зону коралловых рифов и мелей, рассеянных между материком Австралии и Большим Барьерным рифом — исполинской коралловой грядой, которая тянется, то подступая к материковому берегу, то чуть отходя от него, на две с лишним тысячи километров.

На 22° ю. ш. за островком, оконечность которого Кук назвал мысом Тауншенд, началась опаснейшая в мире полоса «морского бездорожья». Островков, рифов, отмелей здесь было больше, чем звезд в ночном небе, и приходилось продвигаться «ощупью», непрерывно измеряя глубины.

За мысом, названным Куком мысом Трибюлейшн (мыс Невзгод), около 11 часов вечера 11 июня 1770 года «Индевр» внезапно наскочил на коралловый риф. Только через сутки, полностью разгрузив корабль, удалось снять его с рифа. За борт были также сброшены шесть пушек с шестью комплектами ядер, и благодаря этой операции «Индевр» удалось облегчить на шесть тысяч фунтов.

199 лет спустя, в 1969 году, экспедиция Филадельфийской Академии естественных наук подняла все шесть пушек с набором ядер. За два века пушки почти совершенно не пострадали, они только лишились деревянных лафетов.

Острый коралловый риф вспорол днище «Индевра». К счастью, удалось ввести корабль в устье небольшой и спокойной реки (она была названа рекой Индевр, и ныне у места ее впадения в море стоит город Куктаун). Там судно вытащили на берег. Ремонт «Индевра» затянулся до начала августа.

Корабельные умельцы починили обшивку, заменив множество поврежденных досок и поставив заплаты на пробоинах.

Берега реки Индевр были не слишком отрадны: холмы и ложбины между ними покрывала жесткая трава, кое-где встречались низкорослые деревья. Но Бенкс и Соландер были в восторге.

В море попадались редкостные рыбы, моллюски, черепахи, а на суше натуралисты встретили чудо-зверей —

кенгуру, вомбатов, собак динго, сумчатых волков. Правда, крупных зоологических открытий совершить не удалось: кенгуру и динго уже были известны голландским мореплавателям, открывшим в XVII веке западный берег Новой Голландии.

Бенкс привез с собой в Англию скелет кенгуру, и британские натуралисты получили возможность изучить в натуре костяк экзотического животного.

На реке Индевр участники экспедиции общались с аборигенами — темнокожими, низкорослыми людьми, которые вели бродячий образ жизни и ходили в чем мать родила. Эти аборигены были охотниками и рыболовами. Кук описал их нравы и обычаи, жилища, орудия труда, оружие (и, между прочим, их бумеранги). Он завершил свой обзор такими словами: «Судя по тому, что я сказал, кое у кого может сложиться впечатление, что туземцы Новой Голландии самые несчастные существа на Земле. В действительности они намного счастливее нас, европейцев: не имея понятия не только об излишествах, но и о необходимых удобствах, за которые так борются в Европе, они живут в блаженном неведении».

6 августа «залеченный» корабль тронулся в дальнейший путь. Путь этот оказался еще более трудным, чем июньский маршрут: «Индевр» шел с черепашьей скоростью, и Кук справедливо назвал эту смертельно опасную полосу рифов и мелей Лабиринтом. 16 августа 1770 года экспедиция претерпела невероятно тяжелое испытание. На рассвете течение понесло «Индевр» на гряду рифов. Ветра не было, глубина, как назло, большая, так что нельзя было отдать якорь.

«В эти, поистине ужасные, минуты, — писал Кук, — наши люди продолжали делать все, что было в их силах, так же спокойно, как в обычное время. Опасности, которые нам удалось избежать раньше, были ничто по сравнению с угрозой быть выброшенными на рифы, где через мгновение от корабля ничего бы не осталось». К счастью, когда «Индевр» был всего лишь саженях в ста от страшных рифов,

подул береговой бриз, и удалось отвести судно в безопасное место.

Кук крайне редко упоминал о себе и о своих переживаниях в дневниках, которые он вел во всех трех плаваниях. Но в день тяжелых испытаний, 16 августа 1770 года он совершил признание, которое проливает свет на очень важные черты его трудного характера.

«Судьба моряков, — писал он, — таит превратности, которые всегда ожидают их при плавании в неведомых водах. Если бы не то удовлетворение, которое испытывает первооткрыватель даже в том случае, если ждут его только пески и мели, эта служба была бы невыносима, особенно в столь удаленных местах, как эта страна, и при скудности съестных припасов. Мир едва ли простит путешественнику, если он, открыв землю, не исследует ее; его не оправдают перенесенные невзгоды и его обвинят в трусости и отсутствии настойчивости — все в один голос объявят его личностью, непригодной для плаваний, совершаемых ради открытий. С другой стороны, если мореплаватель смело встретит все опасности, но результаты путешествия будут неудачны, его сочтут дерзким и неблагоразумным. Первое обвинение вряд ли может быть предъявлено мне, а если мне повезет и мы преодолеем все препятствия, с которыми придется столкнуться, о втором не придется и говорить.

Может показаться, что с моей стороны было неосторожностью пробыть среди этих островов и мелей так много времени. Но следует иметь в виду, что плавание совершалось лишь на одном корабле; необходимо принять во внимание и многие другие обстоятельства. Если мы не посетили этих мест, мы не смогли бы дать сколько-нибудь толковый ответ; мы не смогли бы тогда ответить, является ли эта земля материком или группой островов, что живет и растет на ней, соединяется ли она с другими землями».

16 августа бесконечно трудный экзамен выдержали и экипаж «Индевра», и его командир. Поразительное хладнокровие, железная выдержка, умелое руководство спасатель-

ной операцией — все это окончательно утвердило авторитет Кука.

Он не обладал внешним обаянием. Был сух, резок, не скупился на наказания, порой жестокие. Но постепенно матросы убеждались, что концы он вяжет лучше любого боцмана, что у штурвала с ним не сравнится ни один рулевой. Команда по его четким приказам мгновенно и в какой угодно обстановке ставила и убирала паруса. Астрономы экспедиции видели, с какой сноровкой он обращается с квадрантом и секстантом, как быстро ориентируется по звездам «чужого» неба, неба южного полушария.

Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна

Баратынский посвятил эти строки Иоганну Вольфгангу Гёте, но, право же, их с полным основанием можно отнести и к Джемсу Куку.

11 июня и 16 августа 1770 года он дважды спасал корабль от, казалось бы, неминуемой гибели. Но он ничего не смог бы сделать, если к этому времени благодаря его стараниям не сплотилась бы команда, готовая к самым тяжелым испытаниям и способная молниеносно выполнять приказы командира.

Любопытно, что Кук очень ценил матросов, которых он в первые месяцы плавания не раз сурово наказывал. Избыточную энергию этих нарушителей дисциплины он направлял в должное русло, оказывая им, несмотря на понесенное наказание, полное доверие.

В результате эти люди проникались глубоким уважением к командиру и становились его спутниками в последующих плаваниях.

Мы уже упоминали, что в королевском британском флоте тысячи людей гибли от цинги и желудочных заболеваний. В первом плавании у Кука умерло много людей — экипаж пострадал от тропической лихорадки, подхваченной на Яве.

Однако и в первой и в последующих экспедициях цинга не причиняла ни малейшего ущерба командам. По очень простой причине: Кук ввел убийственный для цинги режим питания. Кислая капуста, лук, чеснок, настой хвои, свежее мясо, свежие овощи и свежие фрукты при первой же возможности. Разные травы — на стоянках их легко можно было собрать. Вот, собственно, и все.

«За отказ от получения своего пайка свежего мяса наказал двенадцатью ударами плетью матроса Генри Стивенса и солдата морской пехоты Томаса Денстера». Такую запись Кук внес в свой дневник 16 сентября 1768 года. Мера никуда не годная, и Кук скоро это понял.

Он сам поедал огромное количество капусты и галлонами поглощал хвойный отвар. По просьбе командира «Индевра» офицеры стали на глазах у матросов то и дело требовать у кока кислую капусту и солодовый настой.

И вскоре Куку донесли, что матросы принялись воровать кислую капусту из больших бочек, стоящих в трюме.

Это была радостная весть. Отныне Кук был спокоен — решительно все моряки, ученые и слуги стали подражать капитану. «Зеленый» рацион вошел в быт, и совершилось чудо — даже при многомесячных плаваниях в полярных морях на борту не было ни одного человека, страдающего от цинги.

Уже за одно это команды готовы были на все, чтобы обеспечить успех экспедиции в самых трудных условиях.

Каким был Кук, как он выглядел, какой образ жизни он вел? Обо всем этом сохранились лишь крайне скудные сведения. Известно, что он был человеком рослым, крепким, очень выносливым и неприхотливым. Черты лица у него были резкие, густые каштановые волосы (в последние годы жизни с заметной проседью) он зачесывал назад. Лоб у него был высокий, нос прямой, глаза карие, живые и «пронзительные».

Его зычный «боцманский» голос перекрывал шум бури, четкие команды звучали, как мушкетные выстрелы. Говорил он с йоркширским акцентом и не обладал много-

словностью. Любые попытки к пререканию он круто подавлял, но к советам охотно прислушивался. И у офицеров, и у солдат он пользовался огромным авторитетом.

А вот о повседневном обиходе Кука, его привычках и пристрастиях почти ничего не известно. Обо всем этом соплаватели Кука почти не упоминали, а о самом себе он ничего не писал.

16 августа тяжелейшим испытаниям пришел конец. В рифах был обнаружен проход, который Кук назвал проходом Провидения (Провиденшл-Чаннел). Следуя этим узким проливом, Кук вышел 21 августа 1770 года к северной оконечности пятого материка, которой он дал наименование Кейп-Йорк.

На следующий день Кук вступил в пролив, отделяющий Новую Голландию от Новой Гвинеи.

Этот пролив открыт был в 1606 году испанцем Торресом. Однако результаты его открытий так надежно были захоронены в секретных архивах испанской короны, что стало о них доподлинно известно лишь в 1767 году благодаря случайной находке горячего приверженца теории Южного материка Дальримпля[1].

В 1764 году Дальримпль в Мадрасе обнаружил в бумагах одного английского моряка, часто посещавшего столицу Филиппин Манилу, мемориал испанского адвоката Хуана Луиса Ариаса, адресованный королю Испании Филиппу III об открытиях Торреса.

В 1767 году Дальримпль опубликовал брошюру, в которой содержались сведения о плавании Торреса и карта пролива между Новой Голландией и Новой Гвинеей, открытого этим мореплавателем. Весьма возможно, что брошюра Дальримпля имелась у Бенкса. Во всяком случае Кук ника-

[1] Смутные сведения об открытии Торреса просочились в XVII и в первой половине XVIII века во Францию и в Англию. На некоторых картах того времени был показан пролив между Новой Голландией и Новой Гвинеей, но большинство географов считало, что Новая Гвинея — это часть Новой Голландии.

ких претензий на первооткрытие этого пролива не заявлял. Он лишь отметил, что ему удалось «разъяснить сомнительный вопрос». Бугенвилю не удалось обнаружить Торресов пролив, и без «визы» Кука в Европе вряд ли поверили бы сообщению Дальримпля.

Попутно Кук совершенно справедливо указал, что австралийские аборигены ничуть не похожи на обитателей Новой Гвинеи.

22 августа 1770 года Кук высадился на небольшом островке в Торресовом проливе и ввел во владение британской короны все восточное побережье Новой Голландии, которое он назвал Новым Южным Уэльсом. Островок, где совершен был торжественный акт, получил название острова Владения (Посешн).

Кук прошел к Яве и 23 октября 1770 года вручил капитану одного голландского судна, которое отбывало в Европу, письмо секретарю Адмиралтейства Стефенсу.

Кук писал ему, что путешествие по существу закончено. Он отметил, что за время плавания от цинги не погиб ни один человек, и с похвалой отозвался об экипаже «Индевра». «Я могу сказать, — писал Кук, — что матросы и офицеры прошли через все передряги и испытания с бодростью и сноровкой». Но он упрекал себя за то, что «потерпел неудачу в попытках отыскать Южный материк (который, впрочем, вряд ли существует)».

Однако наибольшие беды обрушились на «Индевр» после того, как это письмо ушло в Англию.

В столице Нидерландской Индии Батавии и на якорной стоянке у островка Принсен (Панаитан) экипаж «Индевра» поражен был тяжелой тропической лихорадкой. Смерть беспощадно скосила многих участников экспедиции. Скончались Тупиа и его слуга Тарето, лейтенант Хикс, астроном Грин, лекарь Монкхауз, штурман Молине, художник Паркинсон. Во время перехода из Батавии в Кейптаун за одну только неделю с 25 по 31 января 1771 года умер тридцать один человек.

13 июля 1771 года «Индевр» прибыл в английский порт

Даунс. Плавание, которое продолжалось два года десять месяцев и семнадцать дней, было завершено.

Но отнюдь не завершена была та поистине грандиозная программа, которая была намечена Куком сразу же по возвращении на родину.

«Переходя к вопросу об открытиях, — писал он в особом добавлении к дневнику своего первого плавания, — мне хотелось бы высказать свою точку зрения; надеюсь, что моим мнением не пренебрегут в будущем. Лучше всего при плаваниях, совершаемых ради открытий в Южных морях, держать курс к Новой Зеландии с первой стоянкой на мысе Доброй Надежды, где можно пополнить запасы. Надо идти к югу от Новой Голландии, затем через пролив Королевы Шарлотты, где можно запастись водой и топливом, при этом следует принять меры, чтобы выйти из пролива Королевы Шарлотты в конце сентября или в начале октября, но не позже, ибо у вас [в таком случае] будет целое лето. Пройдя же пролив, где обычно дуют западные ветры, идите в самых высоких широтах, каких сочтете нужным придерживаться. Если вы не обнаружите земли, у вас будет время до конца лета обойти мыс Горн. Если не обнаружите материка и поставите перед собой иные цели, то держите на север. Тогда, посетив уже открытые острова, вы сможете, пользуясь пассатами, пройти к западу в поисках островов, о которых упоминалось выше, и тем самым завершить открытия в южных морях».

Любопытно, что о своих достижениях Кук отзывался весьма сдержанно. «Я,— писал он 17 августа 1771 года Джону Уокеру, — не совершил ни одного великого открытия».

Кук напрасно недооценил свои собственные открытия. Они были поистине великими, и, что еще важнее, Кук их совершал, прокладывая новые, ранее неведомые пути в южных морях.

Кроме того, ученый мир был потрясен ботаническими и зоологическими открытиями Бенкса и Соландера. Впервые

по гербарию, собранному ими, ботаники ознакомились с эндемичными, т. е. свойственными только одной определенной местности, видами таитянской, новозеландской и новоголландской флоры.

Зоологов обрадовали первые научные описания зверей, рыб и птиц островов южных морей, Новой Зеландии и пятого материка. Сверх этих описаний Бенкс привез в Англию полторы тысячи зарисовок невиданных растений и животных. Принадлежали эти зарисовки художнику Сиднею Паркинсону, умершему в плавании.

После этой экспедиции Европа узнала, что в умеренных широтах южного полушария лежат два больших острова Новой Зеландии и что восточное, прежде неизвестное, побережье Новой Голландии куда привлекательнее ее северных, западных и южных берегов.

В конце XVIII и в начале XIX веков Новый Южный Уэльс и Новая Зеландия подверглись вторжению британских колонизаторов, пагубному для коренных жителей этих стран. Вольно или невольно Кук оказался лоцманом европейской заморской экспансии.

Во второй половине июля 1771 года в Лондоне героем дня был Бенкс. Ему, и только ему, приписывались успехи славной экспедиции (отчасти потому, что их он приписывал себе сам), его высокое чело венчали лаврами при дворе и в Королевском обществе.

Прошел слух, будто Бенкс готовит новую экспедицию в южные моря на трех больших кораблях.

Великий Линней, потрясенный ботаническими открытиями экспедиции, предложил переименовать Новый Южный Уэльс в Бенксию.

В августе, однако, лавры Бенкса слегка увяли и поднялись акции действительного героя плавания, командира «Индевра». Куком очень заинтересовался новый первый лорд Адмиралтейства Джон Монтегю, граф Сандвич.

Сандвич, удачливый политик и один из фаворитов короля Георга III, в 1771 году стал главой Адмиралтейства и продержался на этом посту одиннадцать лет.

В морском деле Сандвич мало смыслил и вряд ли мог отличить грот-стеньгу от грот-брам-стеньги, но зато он твердо знал, на какую карту надо ставить в жизненной игре в тот или иной момент.

Сандвич прекрасно понимал, что плавание на «Индевре» закончилось успешно благодаря Куку. В начале августа 1771 года Сандвич не раз виделся с Куком, а 14 августа в Сент-Джемском дворце представил его королю Георгу III.

На этой аудиенции король поздравил Кука с присвоением ему чина капитана 3-го ранга.

Вскоре, вероятно в двадцатых числах августа, Кук назначен был командиром корабля «Скорпион». Этот пост был чистейшей синекурой: новый командир все дни проводил в Адмиралтействе и в Корабельной Палате, ведомстве, отвечавшем за комплектование флота плавучими средствами.

Во главе этой палаты с 1770 года стоял неизменный покровитель Кука Паллисер, который одновременно был контролером флота его величества.

Пожалуй, уже на аудиенции в Сент-Джемском дворце шла речь о новой экспедиции в южные моря. Об этом можно судить по тому, что 17 августа Кук в письме к Джону Уокеру, совладельцу известной нам углевозной фирмы, намекнул на свое желание в скором времени отправиться на добром корабле в южное полушарие.

13 сентября 1771 года Кук о своем будущем путешествии писал тому же адресату куда определеннее. «Следующее плавание, — отмечал в этом письме Кук, — как полагают, состоится на двух кораблях, и если оно будет осуществлено, то есть надежда, что дело это поручат мне»[1].

25 сентября Адмиралтейство отдало Корабельной Палате приказ приобрести два корабля для новой экспедиции, и хотя Кук официально был назначен ее главой лишь 28 ноября 1771 года, он с конца сентября занялся подбором подходящих судов.

«Индевр» был послан в Южную Америку. Кук настоял,

[1] В конце 1771 года Кук посетил в одном Йоркширском городке своего отца и побывал в Уитби. Его очень тепло встретили в доме Уокеров и хозяева, и Мэри Прауд, которая не могла наглядеться на капитанскую форму своего бывшего питомца.

чтобы в экспедицию были отобраны суда такого же типа.

В ноябре 1771 года были куплены два «угольщика» (оба «уроженцы» Уитби), «Маркиз Гренби» и «Маркиз Рокингхем». Их перекрестили, присвоив имена знаменитых английских пиратов Дрейка и Релли. Вскоре в Адмиралтействе спохватились (ведь и Дрейк и Релли топили и грабили испанские суда) и, чтобы не дразнить испанцев, поспешили присвоить этим судам «нейтральные» названия — «Резолюшн» («Решение») и «Адвенчер» («Предприятие»).

Корабли имели соответственно 462 и 336 тонн водоизмещения, на «Резолюшн» командиром был назначен Кук, помощниками командира Роберт Купер, Чарлз Клерк и Ричард Пикерсгилл, Клерк и Пикерсгилл отлично себя зарекомендовали в плавании на «Индевре».

На «Адвенчер» командиром стал участник кругосветного плавания Уоллиса Тобайас Фюрно.

На этот раз команды подбирал сам глава экспедиции. По составу они были намного лучше экипажа «Индевра», но нельзя не отметить, что на «Резолюшн» были взяты одиннадцать матросов и один морской пехотинец из команды «Индевра». Любопытно, что этим пехотинцем был Сэмюэл Гибсон, которого в первом плавании Кук наказал за попытку дезертирства.

Бенкс обязательно хотел участвовать в экспедиции. Но он потребовал, чтобы с ним отправились в плавание художник, три чертежника, два секретаря, два музыканта и девять слуг. Чтобы разместить эту почти королевскую свиту, «Резолюшн» был снабжен надстройкой, которая лишала корабль остойчивости. При первом же шквале судно могло перевернуться вверх килем.

Кук пришел в ужас от этой затеи, а в Адмиралтействе в конце концов отказались от кандидатуры Бенкса и распорядились снять опасную надстройку.

Бенкса с большим успехом заменили два немецких натуралиста — Иоганн Форстер, потомок выходца из Шотландии и уроженец Польши, и его сын Георг, которому в 1771 году исполнилось 17 лет.

Плавания Джемса Кука

Вид острова Таити

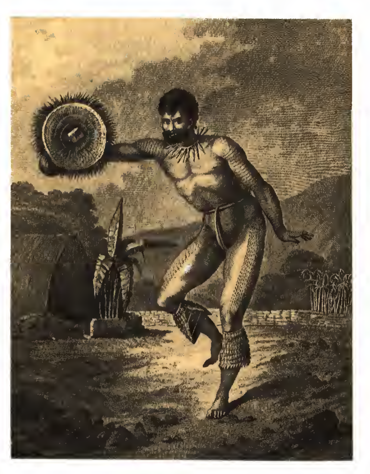
Остров Таити.
На переднем плане посадки торо и хлебное дерево

Туземное каноэ на островах Дружбы

Ойдиди

Таитянский вождь Оту

Мужчина с острова Новая Зеландия



Танцующий гаваец
Рис. Вебера

Гибель Кука на Гавайских островах

Георг Форстер, впоследствии один из виднейших европейских натуралистов, одно время учился в Санкт-Петербургской гимназии (семья Форстеров несколько лет прожила в России).

В плавании приняли участие астрономы Уильям Уолс и Уильям Бейли. В их распоряжении были хронометры работы знаменитых мастеров Кендалла и Арнольда. С помощью этих хронометров можно было довольно точно определять в море долготу.

Художником экспедиции стал блестящий пейзажист Уильям Ходжс.

В Кейптауне в штат экспедиции был зачислен шведский ботаник Андре Спаррман.

В экспедиции насчитывалось с десяток мидшипменов. На этот раз они принесли больше пользы, чем те повесы, которые участвовали в первом плавании. 14-летний мидшипмен Джон Эллиотт стал автором интересных записок о плавании, а его коллега, Джемс Барни, в ходе путешествия занял офицерскую должность и в зрелые годы дослужился до адмиральского чина. 15-летний мидшипмен Джордж Ванкувер был затем участником третьего плавания Кука, а в 90-х годах XVIII века возглавил экспедицию, которая провела огромную работу по съемке западных берегов Северной Америки[1].

Вторая экспедиция по числу участников вдвое превышала первую. На «Резолюшн» было 137 человек, на «Адвенчере» — 91[2].

Маршрут экспедиции наметил Кук. Кое-какие соображения по этому поводу он высказал, как уже было упомянуто выше, завершая дневник первого плавания.

В феврале 1772 года Кук представил в Адмиралтейство записку и в ней определил программу нового путешествия.

[1] Любопытная деталь: так высока была репутация Кука, что вопреки всем правилам лишь мидшипменам его экспедиций не надо было сдавать экзамены на лейтенантский чин.

[2] Эти цифры условны. Состав экипажей в ходе подготовки экспедиции постоянно менялся.

Вот какова была эта программа: «О некоторых соображениях, касающихся открытий, какие надлежит совершить в Южном океане, и о маршрутах, какими должны следовать корабли в ходе плавания, задуманного ради открытий.

Выявилось, что никакой сколько-нибудь обширной земли нет к северу от 40° [южной] широты; к северу от указанной параллели Южный океан достаточно исследован, если не считать участка близ 140° з. д.

Следовательно, дабы сделать новые открытия, мореплаватель обязан обойти земной шар в высоких широтах и идти восточным курсом, учитывая, что там всегда дуют западные ветры. Надо иметь в виду, что зима — самый неподходящий сезон для плавания в высоких широтах; поэтому необходимо, чтобы суда покинули мыс Доброй Надежды в конце сентября или в начале октября; тогда все лето останется на то, чтобы пройти к Новой Зеландии в интервале 45 и 60 широты или даже южнее, если погода окажется благоприятной. В случае, если на этом пути не будут открыты земли, корабли должны, войдя в новозеландские воды, отдать якорь у берегов Новой Зеландии.

От Новой Зеландии таким же образом [т. е. в высоких широтах] судам надо будет пройти к мысу Горн. Но выполнить это можно будет лишь по прошествии зимы, а на зимнее время целесообразно предпринять поиски убежища в более гостеприимных широтах.

Удобнее всего остановиться на Таити, провести там и в близких к Таити водах зимние месяцы. А затем, продолжив плавание к югу, дойти до мыса Горн и обследовать тамошние воды, после чего направиться к мысу Доброй Надежды».

Таити и Новую Зеландию следовало, по мысли Кука, избрать для будущих зимовок.

К своей записке Кук приложил карту и на ней желтой линией обозначил «маршрут, которого, как я полагаю, — писал он, — должны придерживаться корабли, если исхо-

дить из предположения, что на нем не будет встречена земля; если же таковая будет открыта, курс может быть изменен в соответствии с ее контурами, но общее направление трассы маршрута должно сохраниться, иначе значительная часть Южного океана останется неисследованной».

«Желтая трасса» проходила в пятидесятых и шестидесятых широтах.

Это была весьма «дерзкая» трасса: ведь до 1772 года ни один мореплаватель не проникал в южном полушарии в воды шестидесятых широт. Правда, довольно далеко заходили на юг европейские суда в районе мыса Горн, но и здесь они никогда не достигали 60-го градуса ю. ш. И кроме того, до 1772 года моряки пересекали в южном полушарии океаны в тропическом поясе, пользуясь восточными ветрами, и никто из них, за исключением Тасмана, не преодолевал «морскую целину» в высокоширотной полосе западных ветров[1].

25 июня 1772 года лорды Адмиралтейства скрепили своими подписями инструкцию, разумеется секретную, командиру новой экспедиции.

Лорды опирались на предложения Кука (к его мнению теперь прислушивались особы адмиральского чина), но они подчеркивали, что надо во что бы то ни стало отыскать Южный материк. Куку рекомендовали предпринять в южной части Атлантического океана поиски земли, открытой в 1739 году французом Буве где-то на 54° ю. ш. Эту

[1] Полоса стойких западных ветров в Индийском океане захватывает тридцатые, сороковые, пятидесятые и шестидесятые широты. Голландцы в начале XVII века убедились, что от мыса Доброй Надежды к Яве, Китаю и Японии выгоднее идти в тридцатых широтах до западного берега Новой Голландии, а затем уже следовать на северо-восток к Малайскому архипелагу.

Таким образом, в Индийском океане моряки пользовались западными ветрами.

Но только Тасман осмелился в 1642 году пройти через Индийский океан в сороковых широтах.

землю кабинетные географы считали выступом Южного материка[1].

Инструкция требовала, чтобы Кук вводил во владение британской короны все новооткрытые земли.

Кук взял с собой большое количество противоцинготных яств и напитков — кислой капусты, бульонных таблеток из свежего мяса, ревеня, лимонного сока, сгущенного пивного сусла, морковного желе и горчицы.

13 июля 1772 года оба корабля вышли из Плимута. 30 октября «Резолюшн» и «Адвенчер» прибыли в Кейптаун.

Здесь Кук узнал, что недавно французы открыли в Индийском океане какую-то землю на 48° ю. ш. и что другая французская экспедиция отправилась к Таити. Речь, вероятно, шла об острове, открытом на 49° ю. ш. Ив Жозефом Кергеленом, и об экспедиции Никола Марион-Дюфрéна.

Как оказалось впоследствии, ни Кергелен, ни Марион-Дюфрен, ни третий французский мореплаватель, Жан-Франсуа Сюрвиль, никаких сколько-нибудь важных открытий не совершили.

Выйдя 23 ноября 1772 года из Кейптауна, Кук полтора месяца безуспешно разыскивал землю, открытую Буве.

В начале января 1773 года Кук взял курс на юг. 17 января 1773 года корабли впервые в истории мореплавания пересекли Южный полярный круг, всего лишь в сотне миль от Земли Королевы Мод, лежащей в Антарктиде.

Следующий день — 18 января 1773 года — был для Кука крайне тяжелым. «После полудня, — писал он, — подул очень крепкий ветер при ясной погоде. В 4 часа с марса увидели 38 ледяных островов, которые вытянулись дугой от SO до W, и вскоре заметили в том же направлении поле или паковый лед, и у корабля было столько битого

[1] Эту землю искали очень долго и нашли ее только в 1825 году. Она оказалась очень маленьким островком, координаты которого Буве определил неточно.

льда, что мы вынуждены были лавировать между льдинами; число их быстро увеличивалось, и в 6 час. 45 мин., будучи в широте 67° 16′ S, мы обнаружили, что льды настолько сплочены и сжаты, что дальше продвигаться невозможно, вследствие чего мы были вынуждены сделать поворот и пойти в сторону от них. С марса на S я не видел ничего, кроме льдов на всем пространстве от 0 до WSW, и не заметно было ни малейшего прохода. Это огромное поле состояло из льдов разного рода — высоких холмов или островов, небольших льдин, тесно прижатых друг к другу, и тех льдов, которые гренландцы собственно и называют ледяным полем. Именно такое поле и таких размеров, что конца я ему не видел, лежало на SO от нас; это поле возвышалось над водой по крайней мере на 16—18 футов, и казалось, что толщина его везде совершенно одинакова. Здесь мы видели много китов, играющих вблизи льда.

Я отнюдь не думал, что будет безопасно для шлюпов и благоразумно с моей стороны упорствовать в продвижении далее на S, так как миновало уже более половины лета. И даже если предположить, что это продвижение практически возможно (в чем, однако, можно было усомниться), надо было потратить немало времени, чтобы обогнуть эти льды. Поэтому я решил направиться прямо на поиски земли, недавно открытой французами, и так как ветер был от OtS, то я так или иначе должен был вернуться к N».

Кук, говоря о земле, найденной французами, имел в виду остров, открытый в 1772 году французским мореплавателем Кергеленом.

Этот остров Кук тщетно проискал до начала февраля 1773 года, а побывать на нем ему удалось лишь в третьем плавании, в 1776 году.

2 февраля Кук снова пошел к югу, а спустя шесть дней корабли разлучились. Кука эта разлука не слишком огорчила. Он заранее условился с Фюрно о месте встречи в новозеландской бухте Шип-Ков.

С 18 февраля до 15 марта Кук на «Резолюшн» все время шел на восток вдоль 58—60° ю. ш. 15 марта 1773 года Кук повернул на северо-восток и 26 марта, пройдя с момента выхода из Кейптауна более десяти тысяч миль, достиг бухты Даски на западном берегу Южного острова Новой Зеландии. В этой бухте «Резолюшн» простоял до 11 мая, а 18 мая Кук в бухте Шип-Ков встретился с Фюрно.

«Адвенчер» в феврале шел на восток в полосе 52—54° ю. ш., а в середине марта Фюрно на пути к Новой Зеландии обогнул Вандименову землю, но вход в пролив, отделяющий ее от Новой Голландии, счел большим заливом.

В ходе первого летне-антарктического плавания Кук доказал, что в восточной части Атлантического и в Индийском океане вплоть до 60° ю. ш. нет ни малейших признаков Южного материка.

Примерно семь или восемь тысяч миль Кук прошел в водах, где на каждом шагу встречались айсберги и ледяные поля.

И в бухте Даски, и в бухте Шип-Ков Кук имел возможность углубить и расширить те сведения о местных жителях, которые он собрал в 1769 и 1770 годах. На стоянке в бухте Шип-Ков Кук, отметив, что моряки развращают местных женщин, пришел к весьма горьким заключениям о пользе европейской колонизации.

«К вящему стыду цивилизованных христиан, — писал он, — мы развратили местных жителей... и после знакомства с нами у них появились потребности, которых никогда прежде туземцы не знали, и они только нарушили счастливое спокойствие, в котором жили их отцы и которым наслаждались они сами. Пусть тот, кто станет отрицать истинность этого утверждения, скажет мне, что выиграли туземцы на всем протяжении Америки от торговых сношений, которые они имели с европейцами?»

7 июня 1773 года оба корабля отправились в плавание. До 4 июля они двигались на юго-восток, в той части Тихого океана, которая тогда была сплошным белым пятном. Затем, пройдя три тысячи миль, Кук повернул на север и

11—14 августа 1773 года проследовал через архипелаг Туамоту, где открыл несколько атоллов.

От архипелага Туамоту Кук направился на запад и 17 августа прибыл на Таити, на этот раз не в бухту Матаваи, а в гавань Пихаа (у Кука Оаити-Пиха) у юго-восточной оконечности острова.

Здесь корабли экспедиции едва не погибли: приливное течение понесло их на рифы, но, как и у берегов Новой Голландии, положение спас береговой бриз. В эти смертельно опасные мгновения и матросы, и командиры были абсолютно спокойны.

На Таити и соседних островах Кук вынужден был задержаться. Еще в конце июля выяснилось, что из-за нераспорядительности капитана Фюрно на «Адвенчере» один человек умер от цинги и много матросов ею заболели.

Чтобы изничтожить эту страшную гостью, необходимо было откормить команду «Адвенчера» свежими фруктами и свежим мясом; мяса на Таити не было, и Кук отправился на соседний остров Хуахине, где приобрел три сотни свиней, а затем посетил остров Раиатеа. На Хуахине молодой островитянин Омаи упросил Кука взять его с собой в Англию. Поскольку Кук надеялся снарядить еще одну экспедицию в южные моря и обеспечить этому юноше возвращение на родину, он удовлетворил просьбу Омаи. На Раиатеа был взят на борт другой островитянин, уроженец острова Болабола Ойдиди.

Ойдиди совершил круготихоокеанское плавание и в 1774 году вернулся на родину.

Увы, ни Омаи, ни Ойдиди не могли заменить Тупии...

Зима уже подходила к концу, а между тем Кук обязательно хотел обследовать как можно больше островов в тропических водах Океании. 17 сентября 1773 года он от острова Раиатеа направился на запад, чтобы осмотреть архипелаг Тонга, открытый Тасманом в 1643 году.

По пути на 19° ю. ш. и 159° з. д. Кук открыл небольшой остров, названный им островом Херви.

1 октября 1773 года Кук привел корабли на остров Эуа (Тасман назвал его островом Миделбург) в архипелаге Тонга. Два дня спустя Кук перешел на самый крупный остров этого архипелага — Тонгатабу (остров Амстердам Тасмана).

Прекрасен был остров Таити, радовали душу острова Общества, но Эуа и Тонгатабу еще в большей степени покоряли воображение европейцев.

«Мне казалось, — писал Кук, — что я путешествую по самым плодородным равнинам Европы. Тут не было ни дюйма пустующей земли, дороги занимали ровно столько места, сколько было необходимо... Нигде природа с помощью небольшой доли человеческого труда не проявляла себя с большим блеском, чем на этом острове [Тонгатабу]».

Бананы, плоды хлебного дерева, кокосовые орехи, ямс, таро — всего, чем дарила природа океанийские острова, было вдоволь на Эуа и Тонгатабу. При этом островитяне с необыкновенным радушием встретили нежданных гостей, и Кук с полным основанием присвоил архипелагу Тонга название островов Дружбы.

Кук за семидневное пребывание на этих островах успел ознакомиться с жизненным укладом тонганцев и их материальной культурой. Его поразили некоторые тонганские обычаи, например отсечение пальцев в знак траура, и привели в восторг исключительно опрятные хижины островитян и их каноэ. «Орудия [труда], которые мы здесь видели, — писал Кук, — так же и на других островах делаются из камня, кости, раковины и т. д., и когда мы их осматривали, то не могли не восхищаться искусством здешних мастеров».

7 октября корабли покинули гостеприимный остров Тонгатабу и направились в Новую Зеландию. 30 октября суда разлучились, и на этот раз окончательно. Противные ветры долго не давали возможность Куку и Фюрно добраться до бухты Шип-Ков, которая была избрана как место встречи судов в случае их разлуки. Кук первым вошел

в бухту и ждал в ней Фюрно до 25 ноября. А Фюрно смог прорваться к месту рандеву лишь 30 ноября 1773 года.

Фюрно потерял в бухте Шип-Ков десять моряков, которые учинили ссору с маори и были убиты ими. Затем он прошел к мысу Горн, безуспешно проискал некоторое время землю Буве и, побывав в Кейптауне, 14 июля 1774 года возвратился в Англию.

«Ничего сверх меры» — такова была норма поведения Фюрно. «Сверх обычной меры» — таким мог бы быть девиз Кука. Он вернулся в Англию годом позже Фюрно и за этот год совершил поистине «сверхмерные» открытия.

25 ноября 1773 года Кук начал второй летне-антарктический поход. Он шел на юго-юго-восток до 24 декабря и в этот день второй раз за время плавания пересек Южный полярный круг. Льды заставили его временно отступить, но 11 января он снова двинулся к юго-юго-востоку. 26 января 1774 года он в третий раз пересек Южный полярный круг, а 30 января «Резолюшн» подошел к сплошному ледяному полю.

«Внешний, или северный, край этого огромного ледяного поля, — писал Кук, — состоял из битого льда или ледяных осколков, столь тесно сплоченных, что ничто не могло проникнуть туда. Примерно на милю дальше начинался твердый лед — одно сплошное компактное тело... В этом поле мы насчитали 97 ледяных холмов, или гор, и очень многие из них были чрезвычайно большие... Стремление достичь цели завело меня не только дальше всех прочих людей — моих предшественников, но и дальше предела, до которого, как я полагаю, вообще может дойти человек... Мы уже не могли ни на один дюйм продвинуться к югу, и поэтому не требуется никаких иных доводов, чтобы объяснить необходимость возвращения к северу; в это время мы были в широте 71°10′ ю. ш. и в долготе 106°54′ з. д.».

30 января 1774 г. «Резолюшн» находился в 160 милях от полуострова Терстон, разделяющего моря Амундсена и Беллинсгаузена. В этой части Антарктики дальше Кука,

и то лишь на 26 миль, зашел бельгийский корабль «Бельжика», и случилось это через 124 года, в 1898 году!

Невероятная энергия Кука преодолевала все преграды. В этом упорном продвижении к югу командир «Резолюшн» вел команду к подвигам, не считаясь с ее настроениями. Мидшипмен Дж. Эллиотт в середине января 1774 года писал: «Мы все в это время страшно измучились, ибо, идя на О, вбили себе в головы, что следуем прямо к мысу Горн, по дороге к дому. Наши запасы чая, сахара и всего прочего быстро расходовались, в связи с этим много намеков делалось капитану Куку. Но он лишь улыбался и ничего не говорил, ибо в своих намерениях был скрытен и сдержан во все времена, так что даже первый его помощник не знал, когда мы покинем какое-либо место и когда придем в следующее. В этом да и во всех прочих отношениях он был самым подходящим человеком для такого плавания. И вот все наши надежды лопнули в одно мгновение, ибо... вместо того, чтобы идти на О, капитан Кук приказал вести корабль на S. Мы были крайне изумлены, и был момент, когда на корабле едва не начался ропот, но скоро все обошлось».

К 30 января 1774 года программа второго плавания была выполнена полностью. С чистейшим сердцем Кук мог возвратиться в Англию, обогнув либо мыс Горн, либо мыс Доброй Надежды, возвратиться и доложить: Южного материка нет! Однако 6 февраля 1774 года он в дневнике своем записал, что покинуть Южный океан сейчас, когда есть еще запасы провианта и вся команда здорова, ни в коем случае нельзя, ведь могут быть обнаружены в высоких широтах большие острова.

Более того, у сплошного ледяного барьера, располагая лишь одним кораблем, он в эти же дни наметил программу дальнейших исследований, которых хватило бы на две экспедиции. Он решил пройти на север и на 38° ю. ш. в восточной части Тихого океана предпринять поиски явно мифической земли, будто бы открытой некогда испанцем Хуаном Фернандесом. Затем попытаться найти в той же части океана, но севернее таинственную землю Девиса и

остров Пасхи[1], после чего проследовать к Таити и далее к архипелагу Больших Киклад, открытому Бугенвилем, чтобы окончательно разрешить вопрос о Южной Земле духа святого, открытой Киросом. Ведь Бугенвиль не обследовал южную часть этого архипелага.

От Больших Киклад «я намеревался, — писал Кук, — лечь на S и затем на О между параллелями 50 и 60°, рассчитывая по возможности к ноябрю дойти до мыса Горн, чтобы лучшую часть следующего лета посвятить осмотру южной части Атлантического океана. ...когда я сообщил о своем плане офицерам, которые до сих пор думали, что мы направляемся прямо к мысу Доброй Надежды, то с удовлетворением отметил, что они приняли его с радостью. Следует отдать должное моим спутникам — при любых обстоятельствах они проявляли готовность всеми возможными средствами содействовать мне в успехе задуманных предприятий. В этой связи вряд ли необходимо упоминать о том, что матросы всегда были расторопны и послушны и в данном случае отнюдь не желали, чтобы путешествие наше закончилось. Их радовала перспектива того, что плавание увеличится на год, и то обстоятельство, что скоро у них явится возможность насладиться всеми выгодами более мягкого климата».

Так кто же был прав, Эллиотт или Кук? Чего хотела команда — сразу же отправиться в Англию или еще один, а то и два года провести в южных морях и все это время испытывать лишения и тоску по родине?[2]

[1] Речь идет о двух мифических землях, якобы открытых в 1686 году пиратом Девисом. Остров Пасхи был открыт в 1722 году голландцем Роггевеном, и в 1770 году его посетил испанец Фелипе Гонсалес.

[2] Намечая программу дополнительных исследований, Кук явно нарушал указания Адмиралтейства, которое не предусматривало столь долгого плавания. Нарушение это Кука не смущало. По возвращении из второго путешествия, в сентябре 1775 года, он совершенно откровенно заявил в своем письме к французскому мореплавателю Л. Латуш-Тревилю: «Тот, кто буква в букву придерживается приказов свыше, никогда не станет истинным первооткрывателем».

«Резолюшн» двинулся на север. 22 февраля 1774 года корабль вошел в ту зону, где мог находиться остров, якобы открытый Хуаном Фернандесом, но никаких признаков его найти не удалось. Кстати, на существовании этого острова настаивал Дальримпль, который принес географии немалый ущерб своими фантастическими гипотезами.

23 февраля Кук внезапно заболел. В 1951 году английский врач У. Тровер, проанализировав все данные об этой болезни, пришел к выводу, что Кук страдал острым воспалением жёлчного пузыря и частичным параличом кишечника. Георг Форстер писал, что многие на корабле опасались за жизнь Кука. Корабельный лекарь Джемс Паттен, который, по словам Кука, был не только опытным врачом, но и терпеливой сиделкой, спас командира экспедиции.

Кук считал, что его выручило свежее собачье мясо — в жертву была принесена собака Форстеров [1].

Острова, будто бы открытого Хуаном Фернандесом, найти не удалось.

Неуловимой оказалась и мифическая земля Девиса.

Однако 11 марта 1774 года на 27° 10′ ю. ш. и 109°26′ з. д. встретилась реальная частичка суши — остров Пасхи.

Еще издали видны были огромные статуи, стоящие на вечной страже вдоль берегов этого загадочного острова.

В 1722 году, когда голландская экспедиция Роггевена открыла остров, один из ее участников, Беренс, писал, что здесь вся территория густо заселена и что везде на массивных пьедесталах стоят колоссальные статуи, причем у всех этих идолов головы увенчаны цилиндрами из красного камня. А между тем и испанскому мореплавателю Фелипе Гонсалесу, посетившему остров в 1770 году, и Куку показалось, что они попали в полумертвую страну.

[1] Помощник канонира Джон Марра, один из самых недисциплинированных участников экспедиции, неоднократно подвергавшийся порке, писал в своем дневнике, что, когда Куку стало лучше, у всех на корабле, от последнего юнги до старшего офицера, лица просияли от радости.

Не больше семисот жителей населяло этот недавно многолюдный остров. Лишь кое-где и кое-как возделана была земля, и большинство статуй лежали у осиротевших пьедесталов.

Спустя сто с лишним лет после визита Кука были обнаружены на склонах горы Рана-Рарику большие каменоломни. И странно: у археологов сложилось впечатление, что в этих карьерах работы прекратились внезапно — там и сям в беспорядке валялись инструменты, а у многих совершенно законченных статуй не были обрублены каменные пуповины, связывающие их со скалой.

Возможно, в середине XVIII века какое-то бедствие обрушилось на остров. К сожалению, все еще не расшифрованы памятники местной письменности, деревянные таблички ронга-ронга, в которых, быть может, содержатся сведения о событиях загадочного прошлого острова Рапануи, названного Роггевеном островом Пасхи.

Кук пробыл на острове всего лишь шесть дней, но за это короткое время ознакомился с бытом и нравами рапануйцев. Он подметил сходство между ними и жителями других островов Полинезии.

Только обитатели острова Пасхи были гораздо беднее своих дальних соседей.

Питались они ямсом, таро, бататами, но разводили эти культуры в небольшом количестве, так что Куку не удалось на этом острове запастись свежей провизией.

16 марта Кук от острова Пасхи направился на северо-запад, к Маркизским островам. Он достиг их 6 апреля. Эти острова были открыты испанским мореплавателем Менданьей в 1595 году.

Острова напоминали Таити, но таитяне во многих отношениях обогнали ко времени плаваний Кука жителей Маркизского архипелага.

«Обитатели этих островов... — писал Кук, — без сомнения, самый красивый народ в этом мире».

Необыкновенной красотой отличались и Маркизские острова, скалистые, иссеченные глубокими долинами, с

зелеными шлейфами лесов, сползавших со склонов гор к самому морю.

11 апреля Кук отправился на запад, к Таити. На пути к Таити он 17 — 20 апреля 1774 года открыл в архипелаге Туамоту группу островов, которую назвал островами Паллисера.

22 апреля «Резолюшн» отдал якорь в бухте Матаваи. У берегов Таити участники экспедиции наблюдали удивительное зрелище — манёвры таитянского боевого флота.

Собственно говоря, это были даже не манёвры, а репетиция морской битвы — таитяне готовились к нападению на соседний остров Муреа. Таитянская армада насчитывала 330 каноэ, на которых размещалось не менее 7760 человек. Ядро этой флотилии составляли двойные каноэ, и на каждом из них было более сорока воинов.

Покинув Таити, Кук посетил острова Хуахине и Раиатеа. На Раиатеа с экспедицией расстался Ойдиди.

5 июня 1774 года Кук от берегов острова Раиатеа направился на запад — к островам Тонга. По пути были открыты несколько мелких островов, и один из них, остров Тартл (Черепаший), лежал на границах архипелага Фиджи.

В конце июня Кук достиг островов Тонга; на этот раз он посетил острова западной группы этого архипелага и на короткое время остановился на самом большом из них, острове Намуке (остров Роттердам Тасмана).

17 июля Кук подошел к острову, который Кирос окрестил Южной Землей святого духа. Это был самый северный остров в архипелаге, который Бугенвиль назвал островами Больших Киклад.

Бугенвиль побывал только на самых северных островах открытого им архипелага. Кук обошел всю островную цепочку протяженностью свыше трехсот миль. На многочисленных островах, гористых и обитаемых, жили люди, совсем непохожие на таитян, тонганцев или маори. Эти темнокожие островитяне с густыми шерстистыми волосами относились к меланезийской группе, населяющей самую западную часть Океании.

Кук, обследовав все острова архипелага, пришел к заключению, что «мы приобрели право дать им [новое] название и на будущее отметить их под наименование Новых Гебрид».

От Новогебридского архипелага Кук направился на юго-запад и 3 сентября 1774 года на 20° ю. ш. и 165° в. д. открыл узкий и длинный остров, населенный людьми меланезийского облика. Кук прошел вдоль его восточного берега, но не мог обследовать западное побережье, у которого тянулась полоса коралловых рифов. Остров этот Кук назвал Новой Каледонией. Новая Каледония — третий по величине остров Океании, по площади (18,6 кв. км) почти равный Сицилии.

К величайшему горю поборников теории Южного материка, Кук доказал, что в тех местах, где Кирос «открыл» Южную Землю святого духа, расположены лишь острова, явно не связанные со сколько-нибудь значительным массивом суши.

3 октября 1774 года Кук от Новой Каледонии прошел к новозеландской базе экспедиции — бухте Шип-Ков. По пути он открыл небольшой остров Норфолк. 10 октября он ввел в бухту Шип-Ков «Резолюшн», а ровно через месяц отправился к мысу Горн. Во время этого транстихоокеанского перехода корабль гнали к Южной Америке попутные западные ветры, и уже на тридцать седьмой день плавания «Резолюшн» подошел к Огненной Земле.

Кое у кого на борту корабля таилась надежда, что неутомимый командир от мыса Горн прямым путем пройдет в Англию. Этой робкой надежде не суждено было сбыться. Кук направился не на север, а на юго-восток, чтобы обследовать ранее неведомую часть Атлантического океана в 50° и 60° ю. ш. Начался третий летне-антарктический поход.

19 января 1775 года на 54° ю. ш. и 37° з. д. был открыт остров, названный Куком Георгией (ныне он носит название Южной Георгии). «Кто бы мог подумать, — писал Кук, — что этот небольшой остров, лежащий между 54-й и 55-й параллелями, может быть почти весь покрыт в разгаре

лета слоем смерзшегося снега, толщиной во много саженей...»

Далее Кук отметил, что огромное количество льда, который встречается повсеместно в южной части океана, явно указывает на то, что где-то в этих широтах должна быть большая земля.

Кук, говоря о большой земле, имел в виду не мифический континент Мопертюи и Дальримпля, а землю, лежащую близ Южного полюса.

Пройдя от Южной Георгии на юго-восток, Кук 23 января 1775 года открыл группу островков, названную островами Кларка. 31 января снова показалась какая-то земля. Вплоть до 6 февраля 1775 года Кук вел обследование мысов, островов и скалистых берегов на 57—60° ю. ш. и 26—27° з. д. Стоял густой туман, и трудно было понять, что собой представляют все эти клочки студеной суши, названные Куком Землей Сандвича. «Я решил, — писал Кук, — что открытые нами берега были либо группой островов, либо оконечностью материка».

В действительности же это был довольно значительный архипелаг, который в наше время называется Южными Сандвичевыми островами.

Самый южный островок Земли Сандвича Кук назвал Южной Туле. Название символическое: ведь страной Туле римские географы наименовали самую северную землю, известную им в Атлантике.

6 февраля 1774 года Кук наметил «сверхпрограмму» плавания в высоких и низких широтах. Ровно через год у берегов холодной Земли Сандвича Кук подвел итоги и внес в дневник такую запись: «Было бы безрассудно с моей стороны рисковать всем, что сделано в этом путешествии, ради открытий, каковые, будучи совершенными, не отвечали бы никакой цели и не принесли бы ни малейшей пользы ни мореплаванию, ни географии, ни любой другой науке».

«Резолюшн» повернул на север. До 23 февраля Кук искал пресловутый остров Буве, а затем направился к мысу

Доброй Надежды. 19 марта 1775 года «Резолюшн» пришел в Кейптаун. С 22 ноября 1772 года, когда корабли экспедиции ушли из Кейптауна, и до 19 марта 1775 года Кук оставил за собой 20 000 лиг, путь равный тройной протяженности экватора. До Кука никто не совершал столь «длинного» плавания.

12 мая Кук вышел из Кейптауна и, посетив на пути остров Святой Елены и Азорские острова, 30 июля 1775 года прибыл в гавань Спитхед на южном берегу Англии.

За три года и 18 дней плавания экспедиция потеряла четырех человек, и из них только один умер от болезни.

Уже одно только это достижение казалось немыслимым в XVIII веке.

Однако поистине необычайными были географические итоги экспедиции.

Грандиозный, равновеликий всей суше северного полушария Южный материк был стерт с мировой карты. «Я обошел теперь, — писал Кук, — Южный океан в высоких широтах и пересек его таким образом, что не осталось пространства, где мог бы находиться материк, кроме как вблизи полюса, в местах, недоступных для мореплавания. Дважды посетив тропические моря Тихого океана, я не только уточнил некоторые прежние открытия, но и сделал много новых, и, мне кажется, в этой части теперь мало что можно сделать. Таким образом, я льщу себя надеждой, что задачи моего путешествия во всех отношениях выполнены полностью: южное полушарие достаточно обследовано, и положен решительный конец поискам, проводившимся ради Южного материка, который на протяжении почти двух прошедших столетий неоднократно привлекал внимание морских держав и во все времена привлекал внимание географов».

Гибель Южного материка — вот главный итог второй экспедиции Кука. Однако Кук считал, что за Южным полярным кругом может находиться значительный массив суши.

«Я не стану отрицать, — писал он, — что близ полюса может находиться континент или земля значительных размеров; напротив, я держусь мнения, что такая земля там есть и, вероятно, мы видели часть ее. Чрезмерные холода, множество островов и обширные массы плавающих льдов — все это служит доказательством, что земля на юге должна быть и что эта Южная земля должна находиться или простираться дальше всего к северу против Южного Атлантического и Индийского океанов. Я уже привел доводы на этот счет и могу добавить, что в этих океанах было холоднее, чем в Южном Тихом океане на тех же широтах».

Предположения Кука в общем соответствуют действительности. Антарктический материк и в самом деле отступает за Южный полярный круг в зоне Тихого океана и в семи пунктах выдвинут за пределы полярного пояса в зонах Атлантического и Индийского океанов, как о том свидетельствуют современные карты.

Но, предсказав существование Антарктиды и наметив ее рубежи, Кук одновременно высказался против поисков этой вполне реальной Южной суши.

«Мы сможем с полным основанием предположить, — писал он, — что видели лучшие из земель, где образуются льды, ибо они были самыми северными. Если кто-либо обнаружит решимость и упорство, чтобы разрешить этот вопрос, и проникнет дальше меня, я не буду завидовать славе его открытий, но возьму на себя смелость сказать, что миру это открытие не принесет пользы».

«Риск, связанный с исследованием побережья в этих неизвестных и покрытых льдами морях, настолько велик, — писал в другом месте Кук, — что я могу взять на себя достаточную смелость, чтобы сказать, что ни один человек никогда не решится сделать больше, чем я, и что земли, которые могут находиться на юге, никогда не будут исследованы».

Этот пессимистический прогноз оказал недоброе влияние на целое поколение мореплавателей. Авторитет Кука был так велик, что его мнение о недоступности большой

земли, лежащей за Южным полярным кругом, вплоть до 20-х годов XIX века считалось аксиомой.

Лишь в 1820 году великие русские мореплаватели Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев вопреки «запрету» Кука прошли на дальний юг и открыли Антарктиду.

В итоге второго плавания Кука было открыто много островов в Океании, и в частности Новая Каледония, Норфолк, южная группа островов в Новых Гебридах, мелкие острова в архипелагах Туамоту и Кука. Кук полагал, что в Океании он открыл все, что только можно было открыть, но после него в южной половине Тихого океана было обнаружено много островов, о которых он не знал. Важные открытия в Океании были совершены в первой половине XIX века русскими мореплавателями.

Вторую экспедицию Кука прославили труды Иоганна и Георга Форстеров. Они продолжили исследования Бенкса и Соландера и обогатили мировую науку ценнейшими ботаническими, зоологическими и геологическими открытиями.

Свое влияние И. и Г. Форстеры оказали на многих выдающихся натуралистов XIX века. С работами Форстеров не расставался Александр Гумбольдт, ими постоянно пользовался в своем кругосветном путешествии на корабле «Бигль» Чарлз Дарвин.

9 августа 1775 года на аудиенции в Сент-Джемском дворце король Георг III повысил в чине главу только что вернувшейся экспедиции. А два дня спустя капитану 1-го ранга Джемсу Куку предложили занять должность правителя Гринвичского морского госпиталя. Правителей было четыре, и каждый из них получал годовое жалованье в размере 230 фунтов и сверх этого 1 шиллинг и 2 пенса в день столовых денег, а также казенную квартиру, казенные дрова и казенные свечи.

12 августа Кук писал в Уитби старому квакеру Джону Уокеру: «...несколько месяцев назад мне казалось тесным все южное полушарие, теперь же я ограничен стенами Гринвичского госпиталя... это удобное убежище, и доходы мои достаточны, но лишь время покажет, по душе ли мне будет праздная жизнь в отставке».

Время показало, и притом очень скоро, что праздная жизнь в отставке не по душе неутомимому мореплавателю.

Впрочем, пребывая на посту шефа Гринвичского госпиталя, Кук не следил за раздачей больным габер-супа. Кук постоянно посещал Адмиралтейство и Корабельную Палату и не чуждался светской жизни. Его часто можно

было увидеть в кофейне «Юный головорез» на Сент-Мартин-лейн, где обычно собирались члены Королевского общества. Кстати, Кук был принят в это общество и в его клуб (честь, которой удостаивались немногие смертные). Сын батрака-поденщика был признан истинным джентльменом — случай редкий в анналах британской истории.

Известный литератор Джемс Босуэлл, познакомившись с Куком, так отозвался о нем: «Это прямой, здравомыслящий человек в своих суждениях ...точный, как весы монетного двора, на которых взвешиваются [золотые] гинеи».

Между тем в Лондоне уже в августе 1775 года стали циркулировать слухи о новой экспедиции в Тихий океан. Говорили, будто «Резолюшн» выйдет в дальнее плавание, чтобы доставить на вечновесенние острова Общества океанийца Омаи, которого привез в Англию капитан Фюрно.

Слухи эти не лишены были основания. Готовилась новая экспедиция, но не с судьбой Омаи связывались главные ее цели.

На этот раз шла речь о северной части Тихого океана и о поисках из него прохода в Атлантику. В Адмиралтействе прекрасно осознавали значение морских путей, ведущих в гавани Китая, Кореи и Японии. Но в еще большей степени в Лондоне интересовались морями и землями, лежащими на рубежах Азии и Америки.

В Англии проявлялось немалое беспокойство в связи с русскими открытиями в этом районе. Тревогу вызывало пробуждение от вековой спячки Испании. В начале и середине 70-х годов XVIII века в Мадриде проявился большой интерес к северо-западным берегам Северной Америки.

Новая тихоокеанская экспедиция должна была упредить русских и испанских соперников на северо-западе Северной Америки. В ее задачи входили также поиски северо-западного прохода. Этот проход английские мореплаватели упорно, но безрезультатно искали с конца XV века.

В 1773 году «кабинетный» полярник Дайнс Баррингтон

выступил с проектом специальной экспедиции в северную часть Тихого океана.

В феврале 1774 года Королевское общество обратилось в британское Адмиралтейство с письмом, в составлении которого Баррингтон принял весьма активное участие.

По мнению Королевского общества, один или несколько кораблей должны были пройти сперва в Кантон, где следовало создать основную базу снабжения экспедиции, а затем к западному берегу Северной Америки для поисков прохода, связывающего Тихий и Атлантический океаны. При этом, говорилось в письме, попутно можно было бы предпринять исследование некоторых стран Северо-Восточной Азии, и в частности Кореи и Камчатки.

Баррингтон развил бешеную деятельность в Адмиралтействе и парламентских кругах.

В 1775 году парламент принял билль о поисках прохода, каковой рекомендовалось искать севернее 52° с. ш. Еще до этой акции граф Сандвич заверил Королевское общество в своей готовности способствовать организации соответствующей экспедиции. Он, однако, отметил, что подготовку к ней можно будет начать только после возвращения в Англию Кука.

Если первая и вторая экспедиции Кука снаряжались для исследования неведомых или недостаточно обследованных морей и земель, то новую экспедицию собирались отправить к берегам, открытым русскими мореплавателями и положенным на русские карты.

Пролив между Азией и Америкой еще в 1648 году был пройден Семеном Дежневым и Федотом Поповым. Этот пролив в 1728 году, в ходе Первой Камчатской экспедиции, посетил ее глава Витус Беринг.

В 1732 году штурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев открыли северо-западную оконечность Северной Америки.

В 1741 году Витус Беринг, руководитель Второй Камчатской экспедиции, на пакетботе «Св. Петр» и капитан Алексей Чириков на пакетботе «Св. Павел» из только что

Русские открытия в северной части Тихого океана

основанной на Камчатке Петропавловской гавани прошли к ранее неизвестным берегам Северной Америки.

В результате этой экспедиции открыты были все южное побережье залива Аляска и некоторые острова Алеутского архипелага.

В 1743—1773 годах русские промышленники в погоне за морским зверем открыли всю Алеутскую островную дугу. За эти тридцать лет не менее пятидесяти пяти экспедиций, снаряженных купцами из различных городов Европейской России и Сибири, побывали на Алеутских островах, а некоторые русские мореходы добрались до оконечности саблеобразного полуострова Аляска.

В 1768—1769 годах капитаны П. Креницын и М. Левашев обследовали эту часть полуострова и восточные острова Алеутской гряды.

Наглядное представление о масштабе русских открытий, совершенных до середины 70-х годов XVIII века, дает схема на стр. 75.

Материалы русских экспедиций были строго секретными. Однако утечка не подлежащих огласке сведений была весьма значительной. Один только француз Жозеф Деллиль, член Российской Академии наук, в 20—40-х годах XVIII века переправил в Париж сотни русских карт.

Впрочем, достаточно ясное представление о русских открытиях в Тихом океане давала незасекреченная карта видного русского историка и географа Г. Ф. Миллера, издававшаяся дважды, в 1754 и 1758 годах. Не секретным был также труд Г. Ф. Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с российской стороны учиненных», вышедший на немецком и русском языках в 1758 году и на английском языке в 1761 году. Свободно распространялась «Карта Нового Северного Архипелага» Я. Штелина, изданная в 1774 году в Германии, Англии и Франции. Однако пользоваться этой картой было опасно — она давала извращенное представление о морях и землях, лежащих на рубеже Азии и Америки.

Испания со времен Кортеса и Писарро владела поло-

виной Южной Америки, Центральной Америкой и Мексикой, причем в границы Мексики входили современные штаты Техас, Нью-Мексико и Аризона. Но вплоть до 70-х годов XVIII века в полосе тихоокеанского берега граница испанских владений проходила у основания Калифорнийского полуострова. И это несмотря на то, что Хуан Кабрильо в 1542 году, следуя вдоль калифорнийского берега, достиг 38° с. ш., а в 1603 году Себастьян Вискайно дошел до участков Тихоокеанского побережья, лежащих на 43° с. ш.

Как это ни удивительно, но интерес к Калифорнии и землям, расположенным севернее ее рубежей, возник в Мадриде после того, как там с весьма большим опозданием узнали об открытиях Беринга и Чирикова. Педро де Лухан-и-Гонгора, маркиз Альмадовар, посол Испании в Петербурге, доносил в 1761—1762 годах, будто Беринг и Чириков доходили до 45° с. ш. Сменивший Альмадовара Альваро де Нава, маркиз Эррериа, огорчил испанский королевский двор известием о большой русской экспедиции, отправляемой к северо-западным берегам Америки. Реляции Эррерии посылались в 1764—1767 годах, когда велась подготовка экспедиции Чичагова и Креницына — Левашева. Правда, маркиз рапортовал, что во главе снаряжаемой русской экспедиции стоит Чириков, хотя этот мореплаватель умер в 1748 году.

Еще большую активность по части реляций о русской опасности проявил преемник Эррерии Франсиско Антонио Ласи. У Ласи был тайный осведомитель в одном из петербургских ведомств, и через него Ласи получил копии сверхсекретных документов об экспедиции Креницына и русских плаваниях к Алеутским островам. В мае 1773 года Ласи переслал в Мадрид карту Г. Ф. Миллера 1758 года. Из Мадрида ее немедленно переправили вице-королю Мексики Антонио Марии Букарели-и-Урсуа.

Все эти тревожные донесения вызвали ответные меры. В период между 1769 и 1776 годами возникла сеть испанских католических миссий на еще не освоенной испанцами

территории нынешнего штата Калифорния. Одна из таких миссий была прародительницей города Сан-Франциско.

А после получения карты Г. Ф. Миллера Букарели срочно организовал экспедицию к северо-западным берегам Северной Америки. Эта экспедиция под командой Хуана Переса в 1774 году вышла из мексиканской гавани Сан-Блас и достигла 54°30′ с. ш. На обратном пути Перес открыл на острове Ванкувер (остров этот он счел побережьем материка) бухту Нутку, в которой четыре года спустя побывал Кук.

В 1775 году из Сан-Бласа отправились на север два корабля. Командир одного из них, выдающийся испанский мореплаватель Хуан Франсиско Бодега-и-Куадра, достиг мест, лежащих на 58° с. ш., и вступил в воды залива Аляска.

В Англии в 1776 году появилось сообщение о том, что в 1774 году (на самом деле в 1775 году) испанцы прошли вдоль северо-западных берегов Северной Америки до 58°20′ с. ш., открыв по пути много превосходных гаваней.

Кук вернулся в Англию как нельзя более кстати. 30 июля он сошел на британский берег, а 17 августа началась подготовка к новому плаванию.

«Резолюшн» ремонтировался в Дептфорде, а в начале января 1776 года Кук приобрел для новой экспедиции второй корабль, «угольщик» «Дилидженс» водоизмещением в 300 тонн. Этот корабль получил новое название — «Дискавери» («Открытие»).

14 февраля 1776 года Кук был назначен командиром снаряжаемой экспедиции. В тот же день он отправил письмо в Уитби Джону Уокеру. Кук признавался, что он очень рад только что состоявшемуся назначению, ибо тихой жизни в отставке он предпочитает опасное плавание.

Команды кораблей были подобраны главой экспедиции. У командира «Дискавери», тридцатичетырехлетнего лейтенанта Чарлза Клерка, был опыт двух кругосветных плаваний. К сожалению, он издавна болел чахоткой, и эта болезнь обострилась после того, как ему пришлось принять на себя командование экспедицией.

Первым помощником Кука на «Резолюшн» был лейтенант Гор, участник трех кругосветных плаваний, причем одно из них он совершил в качестве третьего помощника Кука на «Индевре».

В отличие от Клерка и Гора второй помощник Кука на «Резолюшн», Джемс Кинг, был новичком. Этот двадцатишестилетний моряк получил, однако, отличную астрономическую подготовку в Оксфорде и Париже. Кинг был человеком необыкновенно обаятельным и гуманным. Он владел пером и стал «историографом» третьей экспедиции.

На «Дискавери» первым помощником Клерка был Джемс Барни, который участвовал во втором плавании в качестве мидшипмена и превосходно зарекомендовал себя в этой экспедиции.

Штурман третьей экспедиции Уильям Блай был отличным геодезистом и картографом, но отличался злобным и тяжелым нравом. Он был инициатором жестоких расправ с мирными островитянами. В историю он вошел спустя несколько лет после завершения третьей экспедиции. Командуя бригом «Баунти», он довел экипаж до открытого бунта. Матросы посадили Блая и группу его сторонников в шлюпку и оставили в открытом море, а сами поселились на необитаемом острове Питкерн.

Преемниками Бенкса и Форстеров стали хирург экспедиции Уильям Андерсон и его помощник Дэвид Самвелл. Швейцарец Иоганн Вебер зачислен был в экспедицию как художник.

Как и предшествующие экспедиции, третья экспедиция Кука была плавучей академией, из которой вышли десять капитанов и два адмирала. Два «выпускника» этой академии — Джозеф Биллингс и Джемс Тревенен — впоследствии выдвинулись на русской службе. Биллингс командовал в 1785—1792 годах русской экспедицией в Северный Ледовитый и Тихий океаны.

Да, экипажи кораблей были превосходны. Такой же оценки заслуживали и корабли. Однако к дальним плава-

ниям они были подготовлены плохо. Корабельная Палата, возглавляемая Паллисером, отменным моряком, но никуда не годным администратором, к тому же не слишком чистым на руку, отвратительно провела ремонт «Резолюшн» и снабдила его гнилыми канатами и скверным рангоутным материалом. «Дискавери» на живую нитку переоборудовали из двухмачтового судна в трехмачтовое. У обоих кораблей обшивки были плохо проконопачены, и в плавании «Резолюшн» и «Дискавери» постоянно давали течь.

Первоначальный план экспедиции, в котором Кантон фигурировал как главная промежуточная база экспедиции, был изменен.

6 июля 1776 года лорды Адмиралтейства подписали секретную инструкцию Куку.

Кук должен был от мыса Доброй Надежды проследовать в Индийский океан для поисков острова, открытого в 1772 году французом Кергеленом на 48° ю. ш. Затем ему надлежало через Новую Зеландию направиться к островам Общества и высадить там Омаи. Дав отдых командам, Кук обязан был пересечь Тихий океан и выйти к берегам Калифорнии на 45° с. ш. Далее Куку предписывалось вести корабли на север до 65° с. ш. и там заняться поисками прохода к Гудзонову или Баффинову заливу. В случае неудачи Кук мог отправиться на зимовку в Петропавловск-на-Камчатке, а в следующее лето вновь предпринять поиски северо-западного или северо-восточного проходов, после чего возвратиться в Англию либо через обнаруженный в ходе плавания проход, либо обычным морским путем.

Суть секретной инструкции выражалась так: «Вы должны также, с согласия туземцев, при надлежащих обстоятельствах вводить во владение от имени короля Великобритании страны, которые вами будут открыты и которые не были открыты и не посещались раньше [подданными] других европейских держав... если вы откроете необитаемую страну, вы должны ввести ее во владение его

величества, установив знаки в качестве первооткрывателей и первовладельцев».

Адмиралтейство вручило Куку английские издания русских трудов и карт, и в частности карту мичмана Чаплина 1730 года, в которой отражены были открытия Первой Камчатской экспедиции, уже упомянутый труд Г. Ф. Миллера «Морские путешествия...», карту Г. Ф. Миллера 1758 года, карту Я. Штелина 1774 года и какие-то материалы (какие, сказать трудно), касавшиеся русских открытий 50-х и 60-х годов XVIII века и попавшие в Лондон не слишком праведными путями. Все эти русские источники, бесспорно, облегчали плавание кораблей экспедиции в самой северной части Тихого океана.

«Резолюшн» с командой в 112 человек вышел в путь из Плимута 12 июля 1776 года. «Дискавери» с экипажем в 88 человек покинул Англию 1 августа того же года и в Кейптауне догнал флагманский корабль. Задержка произошла потому, что командир «Дискавери» Клерк попал в долговую тюрьму — ему пришлось отвечать за долги, которые не уплатил кредиторам его брат, вовремя бежавший в Индию.

Оба корабля покинули Кейптаун 30 ноября 1776 года. Кук сперва прошел к группе островков, открытых на 46—47° ю. ш. и 38° в. д. в 1772 году французом Марионом Дюфреном. Побывав на этих островках, Кук дал им название островов Принс-Эдуард. В конце декабря 1776 года экспедиция посетила остров, открытый Кергеленом в 1772 году.

В конце января 1777 года Кук достиг Вандименовой Земли (Тасмании). Он обстоятельно описал коренных жителей этой страны, темнокожих и жестковолосых людей, которые не знали другого оружия, кроме палок, добывали огонь трением и пользовались грубыми каменными орудиями. Тасманийцы питались главным образом моллюсками и плодами дикорастущих деревьев. Живя у моря, они не знали ни плотов, ни лодок и не употребляли в пищу рыбу.

В первой половине XIX века британские колонизаторы поголовно истребили беззащитных островитян. Спустя 99 лет после визита Кука умерла последняя коренная уроженка Тасмании.

11 февраля 1777 года корабли вошли в бухту Шип-Ков. Мы уже упоминали, что в 1773 году маори здесь убили десять матросов с «Адвенчера». К чести Кука, надо отметить, что он не проявил ни малейшей неприязни к новозеландцам, дознавшись, что ссора, которая так трагически закончилась, произошла по вине англичан.

25 февраля Кук покинул бухту Шип-Ков и направился на север. В конце марта и в начале апреля он открыл острова Мангаиа, Атиу и Такутеа в южной части архипелага, который ныне носит его имя.

На острове Атиу Омаи встретил четырех своих земляков. Несколько лет назад они на каноэ отправились от берегов Таити к острову Раиатеа, но буря отнесла их суденышко к острову Атиу, лежащему в 700 милях от Таити. «Этот случай, — писал Кук, — вполне соответствует тем обстоятельствам, при которых должны были первоначально заселяться обитаемые острова в этом море, и особенно те из них, что лежат на большом удалении от любого из материков и друг от друга».

Верно. Именно благодаря таким плаваниям, порой случайным, порой преднамеренным, заселилась гигантская полинезийская «галактика» с ее бесчисленными островами и архипелагами, жители которых говорят на языке одной семьи, строят одинаковые каноэ и жилища, передают из поколения в поколение сходные предания и легенды.

28 апреля 1777 года Кук достиг островов Тонга. Сперва он провел несколько дней на острове Намуке, а затем обошел ряд островов группы Хапаи, расположенных в северной части архипелага Тонга. В общей сложности экспедиция пробыла на Намуке и островах Хапаи без малого три месяца. Зато Кук и Андерсон досконально изучили обычаи, нравы и материальную культуру этого гостеприимного архипелага. «Люди», «Жилища», «Пища», «Раз-

влечения», «Полигамия», «Меновая торговля», «Ремёсла», «Каменные работы», «Обработка земли», «Система управления», «Военные действия и оружие» — вот рубрики сжатого, но очень точного описания островов Тонга, включенного в дневник Кука.

Любопытно, что Кук с нескрываемым раздражением отзывался о полинезийских жрецах и различных полинезийских культах. И, судя по общей тональности такого рода отзывов, он явно не питал ни малейших симпатий к священнослужителям собственной родины...

12 августа 1777 года Кук подошел к Таити, а затем отправился в «прогулку» по островам Общества. В ноябре он очень тепло распростился с Омаи, предварительно построив ему дом на острове Хуахине.

На островах Общества Кук, как и прежде, старался установить добрые отношения с местными вождями; этого требовали интересы экспедиции. Но порой он срывался и в подобных случаях вел себя жестоко по отношению к островитянам.

Когда на острове Муреа кто-то увел с пастбища суягную козу, принадлежавшую гостям, Кук приказал сжечь небольшое селение и уничтожить несколько каноэ.

На острове Хуахине был похищен секстант. Вскоре удалось найти похитителя, и Кук велел отрезать ему уши, причем это варварское наказание было публичным.

Не менее сурово Кук наказывал матросов и солдат. На одном из островов Общества дезертировал солдат морской пехоты Джон Гаррисон — он без ума влюбился в одну юную островитянку. Гаррисона поймали, и Кук приказал дать ему две дюжины плетей.

8 декабря Кук покинул острова Общества и направился на север. 24 декабря 1777 года Кук открыл необитаемый остров в двух градусах севернее экватора. Этот остров он назвал островом Рождества.

Воскресенье, 18 января 1778 года, было одним из самых знаменательных дней в истории третьей экспедиции. На рассвете на 21° 12′ с. ш. и 158° з. д. была замечена

земля, вскоре показалась еще одна полоска суши, а на следующий день чуть западнее был открыт новый остров. Это были острова Оаху, Кауаи и Ниихау Гавайского архипелага, о существовании которого до январских дней 1778 года не ведали европейские географы.

У берегов острова Кауаи к кораблям подошли три каноэ, «и в каждом, — писал Кук, — находилось по четыре человека; мы были приятно удивлены, обнаружив, что туземцы принадлежат к той же нации, что и народ Таити и других островов, которые мы посетили».

Днем позже несколько островитян поднялись на борт «Резолюшн». «До сих пор, — отмечал Кук, — я никогда не видел, чтобы индейцы[1], попав на корабль, были так поражены. Глаза их постоянно перебегали с предмета на предмет, дикость их взглядов и поступков полностью выражала их изумление и удивление при виде новых для них вещей. Это свидетельствовало о том, что прежде они никогда не бывали на борту корабля».

Однако железо было островитянам известно и пользовалось большим спросом. Называлось оно «хамаите», и Кук видел два железных изделия — кусок обруча и обломок широкого клинка. Кук полагал, что эти предметы могли попасть сюда на обломках корабля, потерпевшего крушение где-то вблизи Гавайев.Судя по тому удивлению, с которым гавайцы встретили англичан, версию Кука надо признать верной. Однако не исключено, что задолго до британских мореплавателей, в XVI и XVII веках, Гавайский архипелаг посещали японцы или испанцы. В испанских архивах, до конца XVIII века строжайше засекреченных, есть документы, которые позволяют предположить, что на пути от Филиппинских островов к Америке капитаны некоторых кораблей, сбившись с курса, проходили мимо островов, положение которых отвечало координатам Гавайев.

[1] Так Кук часто называл обитателей островов Океании.

Однако сведения об этих полуоткрытиях хранились за семью печатями, и честь подлинного открытия Гавайев, бесспорно, принадлежит Куку.

Экспедиция пробыла на новооткрытых островах пятнадцать дней. Кук положил на карту острова Кауаи, Ниихау, Каула и Оаху и только краем уха услышал о большом острове Гавайи, на котором спустя одиннадцать с лишним месяцев оборвалась его жизнь.

Гавайские острова во многом напоминали Таити и архипелаг Тонга. Гавайцы, подобно прочим обитателям Полинезии, были искусными земледельцами. Они тщательно возделывали землю, применяли удобрения, поили свои угодья водой из водохранилищ, благо в горных местностях легко было строить плотины. На Гавайях разводили рыбу в особых прудах, выпаривали соль из морской воды, изготовляли прочную материю из луба бумажношелковичного дерева, причем в окраске этой материи (она, как и на Таити, называлась тапой) местные обитатели далеко превосходили своих дальних соседей.

Строили здесь быстроходные каноэ, легкие и прочные дома. Своей красотой удивляли Кука и его спутников плащи и шлемы из алых и золотистых перьев. Были на этих островах кораблестроители, музыканты, повара, резчики, массажисты, разделение труда зашло на Гавайях дальше, чем на других полинезийских островах.

Равенства эти волшебные острова не знали. Власть принадлежала вождям (алиям), а в поте лица трудились и кормили вождей общинники (макааинана). Отдельными островами управляли верховные вожди (моа), большим влиянием пользовались жрецы (кауана), которые следили за исполнением всевозможных религиозных запретов — *капу* (на Таити эти запреты назывались *табу*).

Хотя Кук пробыл на новооткрытых островах всего лишь две недели, он со свойственной ему зоркостью описал быт и нравы гавайцев.

2 февраля 1778 года корабли покинули Гавайские острова и направились к берегам Северной Америки, к

которым подошли 7 марта на широте 44° 20′. Это было побережье современного штата Орегон.

Идя далее на север, Кук не заметил пролива Хуан-де-Фука, отделяющего остров Ванкувер от материка, и 29 марта 1778 года достиг обширной бухты Нутка, открытой (о чем Кук не знал) в 1774 году испанцем Хуаном Пересом.

В эту бухту Кук ввел корабли и в ней надолго задержался. Надо было заняться ремонтом судов и устранить недоделки, на которые так щедры были английские верфи.

Оба судна текли, словно решето, а на «Резолюшн» вдобавок вышла из строя фок-мачта.

Фок-мачта. Нам еще предстоит узнать, сколь гибельную роль она сыграла в судьбе Кука...

В бухте Нутка обитали индейцы племени квакиютль, искусные охотники на морского и лесного зверя. Кук в своей обычной манере, сжато и точно, описал облик индейцев, их большие и неопрятные деревянные дома, их орудия труда, украшения, лодки, рыболовные принадлежности. И разумеется, он не прошел мимо их тотемов — высоких столбов с родовыми эмблемами — изображениями различных зверей и птиц.

Индейцы готовы были все отдать за изделия из железа, меди и латуни. Спутники Кука за топоры, ножи, пилы, латунные пуговицы приобрели меха морских бобров. Впоследствии в Макао эти меха моряки продали по 10—15 фунтов за штуку. Пушной торг принес им неисчислимую прибыль, а слух о мехах, которые буквально даром можно было получить на западных берегах Северной Америки, вызвал «меховую лихорадку» в Англии и США.

Множество искателей легкой наживы ринулись в суровые воды, омывающие эти берега.

Началась колонизация острова Ванкувер. О том, сколь горькими оказались ее плоды, можно судить по некоторым сообщениям канадских газет за апрель 1978 года. Апрель этот был месяцем торжественного юбилея: в Канаде, и в первую очередь в ее тихоокеанской провинции Британская Колумбия, справлялось двухсотлетие со времени посеще-

ния Куком бухты Нутка. Представительница индейцев-квакиютлей Донна Тиндалл в марте 1978 года заявила, что миллион шестьсот тысяч долларов, отпущенных властями Британской Колумбии для проведения юбилейных празднеств, — это «беспримерная растрата средств налогоплательщиков и прямое оскорбление индейцев этой провинции. Мы не желаем принимать участие в торжествах, которые напоминают нам о насилиях над нашими обычаями и нашим языком, и мы не должны петь и плясать на спектаклях, которые устраивает несправедливое и расистское общество» [1].

Еще резче выступили индейцы группы моуачат, живущие на берегах бухты Нутка. Они отказались принять от правителей провинции 200 000 долларов для постройки «большого дома» — жилища, подобного тем индейским домам, в которых обитатели бухты жили два столетия назад.

Некогда их вождь Макина тепло встретил Кука. Но белые люди за двести лет совершили злодеяния, которые унесли девять десятых потомков Макины. Оспа, туберкулез, венерические болезни, алкоголизм — вот дары белых пришельцев, и индейцы не желали участвовать в празднестве, лишний раз напоминающем о бедах, постигших их дедов и отцов...

26 апреля 1778 года Кук покинул бухту Нутка и направился на север. 1 мая корабли достигли на 55° с. ш. места, где в 1741 году вышел к американским берегам Чириков. Далее суда следовали на северо-запад. И Чириков, и Бодега-и-Куадра, и Кук из-за сильных юго-восточных ветров и тумана вынуждены были в интервале 55—58° с. ш. держаться вдали от берега. Поэтому они приняли большой архипелаг Александра, который тянется параллельно материку, за континентальное побережье.

4 мая показалась седоголовая гора Св. Ильи, назван-

[1] «The Canadian tribune», April 17, 1978; «The Fisherman», April 7, 1978; «The Pacific tribune», April 15, 1978.

ная так Берингом, а 9 мая корабли вошли в огромный залив Аляска, открытый Берингом и Чириковым. Пройдя мимо бухты Якутат, которую Кук в честь Беринга назвал бухтой Берингс-бей, суда подошли к острову Каяк, на котором в 1741 году высаживались спутники Беринга — штурман Софрон Хитрово и натуралист Георг Стеллер. Присвоив этому острову название Кэйз-Айленд, Кук оставил на берегу бутылку с запиской и двумя серебряными монетами. Это был «заявочный знак», таким способом остров объявлялся владением британской короны.

12 мая корабли вошли в залив, который Кук назвал Сандвич Саунд, а редактор его записок переименовал в бухту Принс-Вильям. Здесь участники экспедиции встретились с индейцами-чугачами, которые добывали себе пропитание таким же образом, как и квакиютли.

Обойдя затем Кенайский полуостров, Кук 1 июня вступил в широкий залив, который счел эстуарием большой реки. На самом деле это был глубоко врезанный в сушу залив (ныне он носит название залива Кука, и на его берегу стоит наибольший город Аляски — Анкоридж). Здесь снова повторилась операция с бутылкой и монетами.

Следуя дальше по следам Беринга и Чирикова и пользуясь картой Г. Ф. Миллера, Кук прошел мимо островов Шуяк, Афогнак и Кадьяк, полагая, что они относятся к материку. Далее Кук проследовал мимо открытых Берингом острова Туманного (Чирикова) и Шумагинских островов.

Бесконечно далеко было от Шумагинских островов до берегов России, но уже здесь, у западного входа в залив Аляска, появились признаки русского влияния. Местные жители — алеуты вышли на кожаных лодках-байдарках к кораблям, и один из алеутов передал на «Дискавери» небольшой оловянный ящичек. В нем была записка на русском языке, и в ее тексте имелись две даты — 1776 и 1778 годы.

Через пролив Укатан Кук прошел из залива Аляска в Берингово море и 28 июня ввел корабли в бухту Самгу-

нудху на северном берегу одного из Алеутских островов — Уналашки. Там алеуты передали ему записку на русском языке, но «за ненадобностью» он возвратил ее.

2 июля 1778 года Кук оставил Уналашку и двинулся на северо-восток, сперва вдоль северного берега острова Унимака, а затем вдоль северного побережья саблеобразного полуострова Аляска. До 23 июля Кук шел в водах обширного залива, который он назвал Бристольским. По всей вероятности, русским мореходам этот залив был еще неведом. От мыса Ньюэнем — западной оконечности Бристольского залива — Кук отвернул в море и 28 июля подошел к острову Святого Матвея, открытому русскими в 1748 году.

3 августа скончался хирург и натуралист У. Андерсон, и его именем Кук назвал замеченный в этот день остров. Но этот остров уже имел собственное имя, в 1728 году Беринг окрестил его островом Св. Лаврентия.

9 августа Кук, следуя вдоль восточного побережья Берингова пролива, дошел до крайней северо-западной оконечности Северной Америки. Хотя на карте Г. Ф. Миллера у этого пункта была надпись: «Берег, открытый геодезистами Гвоздевым в 1730 году»[1], Кук присвоил мысу, открытому русскими первопроходцами, название «мыс Принца Уэльского».

Затем Кук пересек Берингов пролив и ввел корабли в залив Св. Лаврентия, врезанный в чукотский берег. Кук подробно описал жителей этой местности и их летние и зимние жилища. Он справедливо заключил, что перед ним страна чукчей, обследованная Берингом в 1728 году.

11 августа Кук двинулся на восток, к Америке. Обогнув мыс Принца Уэльского, Кук вышел к северному берегу Аляски. Напрасно он надеялся вступить в этих местах в сквозной северо-западный проход. На 70° 20′ с. ш. и 161° 50′ з. д. путь кораблям преградили непроходимые

[1] Г. Ф. Миллер ошибся на два года. Открытие состоялось в 1732 году.

льды. От выступа берега, названного Куком Айси-Кейп (Ледяным мысом), у берегов которого находились огромные моржовые лежбища, Кук повернул на юго-запад.

Кук был огорчен неудачей: северо-западный проход найти не удалось. Оставалась смутная надежда на открытие северо-восточного прохода, и Кук в поисках его направился к северным берегам Сибири. 29 августа Кук достиг северного побережья Сибири у мыса, которому он дал название мыса Норт (Северного; ныне — мыс Шмидта). Но и тут льды оказались непроходимыми.

Надежда на обретение проходов из Тихого океана в Атлантический рухнула. Кук прошел Берингов пролив, на этот раз с севера на юг, и, следуя вдоль западного берега Аляски, открыл обширный залив Нортон. К его южному берегу нельзя было подойти из-за сплошных мелей.

Кук высказал предположение, что в этих местах в море впадает большая река. Догадка справедливая — здесь вливается в залив Нортон великая река Юкон.

Вблизи ее устья корабли прошли 18 сентября. А 2 октября 1778 года они отдали якорь в бухте Самгундхе на Уналашке, где экспедиция побывала три месяца назад. Здесь 14 октября состоялась первая встреча с начальником русского поселения на Уналашке штурманом Герасимом Григорьевичем Измайловым. «Я убедился, — писал Кук, — что он отлично знает географию этих мест и что ему известны все открытия, совершенные русскими, причем он сразу же указал на ошибки на новых картах». Измайлов показал Куку две русские карты северной части Тихого океана и снял с карты Г. Ф. Миллера треть островов, которые, по его словам, в природе не существовали. «Его заботам, — отмечал Кук в записи от 21 октября, — я доверил письмо в Адмиралтейство, вложив в пакет карту северных берегов, посещенных мной».

С Куком Измайлов объяснялся «маячаньем», т. е. жестами.

22 октября на «Резолюшн» побывал начальник русского поселения на острове Умнаке Яков Иванович

Сапожников. Он сообщил Куку, что в Петропавловске съестных припасов очень мало и что они там необычайно дороги. Под влиянием этого сообщения Кук решил пойти на зимовку не в Петропавловск, а на Гавайские острова. Кто же мог знать, что на Гавайях Кука ждет гибель и что в Петропавловске экспедиция, потерявшая своего руководителя, получит все припасы в большом изобилии, и притом бесплатно!

Кук и его спутники Д. Самвелл, Т. Эдгар и Дж. Ледьярд оставили превосходные описания русского поселения на Уналашке, расположенного в десяти милях от того места, где стояли корабли. Кук посвятил несколько страниц дневника прирожденным морским охотникам — алеутам Уналашки.

Кук, описывая русское селение (кстати говоря, первый постоянный русский населенный пункт в Америке), указал, что оно состоит из одного очень большого дома, в котором живут кроме русских камчадалы и алеуты. «Русские, — отмечал Кук, — обладают искусством из посредственной снеди изготовлять вкусные блюда. Мне очень понравилось приготовленное ими китовое мясо; недурной заменой хлеба служит им пудинг, или пирог из лососинной икры, тщательно взбитой и обжаренной. Русские имеют склонность к хлебу и к блюдам, в которых мука является составной частью, но вероятнее всего, что мука здесь редкость. Если исключить ягодный сок, который они добавляют в пищу, единственный их напиток — чистая вода, и для них большое счастье, что под рукой нет ничего более крепкого.

Места эти снабжают их не только пищей, но и в значительной мере материалом для одежды, которая делается преимущественно из шкур; и это, пожалуй, лучшее, что здесь можно иметь. Верхняя одежда шьется наподобие накидок наших кучеров, и она доходит до колен; кроме того, они носят еще два жилета, штаны, меховую шапку и сапоги... У обоих здешних начальников были синие коленкоровые куртки и как у них, так и у прочих русских лю-

дей имелись шелковые рубахи; пожалуй, это единственные виды одежды, изготовленные не собственноручно.

Русские живут на всех главных островах между Уналашкой и Камчаткой и находятся здесь только с одной целью: для добычи мехов, причем первый и основной предмет добычи — это морской бобер, или котик... Все эти меховщики время от времени сменяются. Те, с которыми мы встретились, пришли сюда из Охотска в 1776 году и должны возвратиться туда в 1781 году, так что им предстоит провести на острове Уналашке еще четыре года».

Для всех обитателей Уналашки приход двух больших чужеземных кораблей был необыкновенным событием.

Вот как Г. Г. Измайлов рапортовал о визите англичан своему камчатскому начальству:

В Камчатскую Большерецкую Канцелярию
Штурманского ученика Герасима Измайлова

РАПОРТ

По прибытии моем к здешним Алеутским островам сего 1778 года, августа 14 ч[исла][1], но по задолженности моей в реченной канцелярии должности к переписи здешних народов, имел я отбыть из гавани с острова Уналашки сентября 2 го ч[исла] на остров Умнак, Четырех Сопок и протчие. А по прибытии моем, сентября 23 го ч[исла] прибыли на тот же остров Уналашку, и стали не в дальнем расстоянии от гавани моей, на полуношной стороне в бухту два пакет бота с острову Лондону, называются англичанами. А я, по исправлению своей должности, имел к ним прибыть в крайней скорости, а по прибытии находился трои суток, оказывая к ним ласковость и приветствие. Служил, что было собственного, притом приказал алеутам ясашным плательщикам, в бытность их промышлять рыбу и довольствовать. А по быт[но]с[т]и моей у них чрез маячание уведено, что они сего 778 году октября 15 числа отсель с

[1] Даты в рапорте приводятся по старому стилю.

Уналашки имеют намерение отбыть в ширину северную 22°00′, где, перезимовав, имеют быть в Петропавловскую гавань в мае месяце.

На большом пакет боте, называемом Резолюшон, господин полковник называется Дем Кук, лейтенантов трое: первый Жион Гор, второй Дем Скин [Кинг], третей Жион Вилимсын [Уильямсон]; всего комплекту, что стоит на пакет боте 110 человек, в том числе все афицеры. На другом пакет боте, называемом Ескадре [Дискавери], на нем командир в ранге майора Чир Тлярк [Чарлз Клерк], лейтенантов двое: первый — пример Димск Борин [Джемс Барни], второй сикунд Жион Рикман, всех числом на Ескадре 70 человек в том числе и афицеры.

А как через маячание [узнал], что они имеют намерение в Петропавловскую гавань, то я им представлял, чтоб по прибытии в гавань отправили елбот с поручением им сим репортом, а потом и кораблем. А естли кораблем пойдут без всякого знания, то будут по ним стрелять ис пушек. И обо всем в будущем 779 году на судах в Охоцки со учеником Зайковым, а в Камчатку с передовщиком Сапожниковым репортами обстоятельно представить имею.

На подлинном надписано:
штюрмански ученик Герасим Измайлов,
октября 14 дня 1778 года.
В Большеретски канцелярию получен
апреля 20 числа 1779 года.

26 октября корабли покинули Уналашку и направились на юг. Ровно через месяц они подошли к острову Мауи в Гавайском архипелаге. Этот остров не был открыт при первом посещении архипелага, так же как и соседний, самый большой, остров Гавайи, к которому суда приблизились 1 декабря. Издали заметны были снежные вершины двух гигантских вулканов — Мауна-Кеа и Мауна-Лоа. Шесть недель корабли не спеша шли вокруг острова по часовой стрелке. Это было нелегкое плавание, повсюду у берега рассеяны были бесчисленные рифы. Корабли пришли в

отчаянное состояние, они давали течь, мачты, рангоут, паруса нуждались в срочном ремонте. В сердцах Кук в записи от 19 декабря 1778 года гневно отозвался о безобразных порядках во флоте, где, как правило, стали снабжать суда никуда не годным припасом. Кук явно имел здесь в виду графа Сандвича и главу Корабельной Палаты Паллисера. Это критическое замечание было исключено из текста дневников Кука при их первой публикации.

16 января 1779 года корабли вошли в обширную бухту Кеалакекуа на западном берегу острова Гавайи. Суда встречала на берегу восторженная толпа островитян, не менее тысячи каноэ вышло навстречу гостям. 17 января Кук внес в свой дневник последнюю запись. В ней он отметил, что «человек по имени Тоуха [Као], который, как мы скоро узнали, был особой духовного сана... появился весьма церемонно и во время этой церемонии вручил мне поросенка, два кокосовых ореха, кусок красной материи; эту материю он обернул вокруг моих бедер».

Ни Кук, ни его спутники не подозревали, что верховный жрец Као возвел его в ранг великого божества.

...На острове Гавайи некогда жил добрый и могучий бог Лоно. Остров был необитаем, а Лоно желал, чтобы в его владениях появились люди. И вот у берега разбились две лодки, люди, в них сидящие, спаслись, но злой бог огня велел им покинуть остров. Тогда Лоно сбросил злого бога в кратер горы Мауна-Лоа, и с тех пор в ней бушует пламя. Людей же Лоно оставил на острове, и в его честь ежегодно стали устраиваться торжественные игры.

Однажды Лоно приревновал свою жену Опуну к простому смертному и в ярости столкнул Опуну с высокой скалы; придя в ужас от содеянного им, он покинул остров, но заверил людей, что со временем вернется к этим берегам на плавучем острове.

Двенадцать лун назад два плавучих острова появились у острова Кауаи, Ниихау, Кауаи и Оаху, и вел эти острова бог Лоно. Затем острова исчезли. Исчезли так быстро, что богу Лоно не успели воздать должные почести.

И вдруг как раз в дни макахики — праздника в честь бога Лоно плавучие острова показались у берегов острова Мауи...

А затем бог Лоно, он же капитан Кук, явился на остров Гавайи...

Богокапитан Лоно обосновался в бухте Кеалакекуа. Он приказал оборудовать в южной части бухты обсерваторию. На северном берегу этой бухты в селении Кавалоа была резиденция верховного вождя Каланиопу.

26 января 1779 года Каланиопу с большой свитой и всевозможными дарами прибыл на «Резолюшн». В торжественной обстановке Кук и Каланиопу обменялись именами и тем самым навеки скрепили узы дружбы.

Но уже 2 февраля Каланиопу стал допытываться у моряков, когда, наконец, бог Лоно покинет остров Гавайи. Вечные узы оказались непрочными по вине гостей.

Матросы и офицеры творили всяческие бесчинства, а вожди и многие жрецы возмущались неистовым обжорством спутников бога Лоно. Возмущались потому, что все припасы Каланиопу велел им доставлять на борт бесплатно. И кроме того, гости отвратительно обращались с местными женщинами. На Гавайях не знали единобрачия, и нравы там были весьма свободными. Но моряки чинили прямые насилия, а матрос Уильям Наш сознательно заражал женщин венерической болезнью. Правда, он получил за это две дюжины плетей, однако на его друзей это наказание не повлияло.

Кук понял намеки Каланиопу, и 4 февраля корабли ушли из бухты Кеалакекуа.

Фок-мачта!!! Та самая, которую уже ремонтировали в бухте Нутка. 8 февраля Кук убедился, что она пришла в полную негодность. Надо было немедленно ввести корабли в удобную бухту и переправить на берег мачту.

Но кроме бухты Кеалакекуа, поблизости не было сколько-нибудь сносных гаваней. «В 10 часов, — писал лейтенант Кинг, — спустились фордевинд и пошли к бухте Каракакуа [Кеалакекуа], проклиная и оплакивая нашу фок-

мачту». 11 февраля суда вошли в бухту Кеалакекуа, и два дня спустя моряки свезли фок-мачту на берег. Островитяне приняли гостей без энтузиазма. Они успели утратить веру в новоявленного бога Лоно и уже 13 числа дважды вступали в драку с пришельцами, причем гости оба раза применяли огнестрельное оружие.

В дальнейших печальных событиях во многом виновен был Кук. Три кругосветных плавания расшатали его нервную систему. В первом и втором плаваниях он сдерживал себя. В третьей экспедиции колоссальная перегрузка дала себя знать. Мидшипмен Дж. Тревенен писал, что Кук часто впадал в ярость, причем порой все его тело сводило судорогами. Тревенен называл такие припадки «хейва», поясняя, что «хейва — это такая пляска у островитян южных морей, которая очень напоминает конвульсии и прыжки».

В ночь на 14 февраля был украден большой ялик, который стоял на якоре близ корабля «Дискавери». Капитан Клерк доложил об этом Куку. Глава экспедиции невероятно разгневался и между семью и восемью часами утра высадился у селения Кавалоа. Кука сопровождали девять солдат морской пехоты и их командир лейтенант Филипс.

Кук, обуреваемый яростью, намерен был захватить Каланиопу, доставить его на «Резолюшн» и там держать до тех пор, пока не будет возвращен ялик.

Чтобы ни одно каноэ не смогло выйти из бухты, капитан Клерк послал две шлюпки — одну к селению Кавалоа и другую в южную часть гавани.

В описании дальнейших событий царит полный разнобой. В рапорте их единственного очевидца — англичанина лейтенанта Филипса нет ясности, а другие участники экспедиции изображали то, что произошло в Кавалоа, каждый на свой лад.

Но были очевидцы-гавайцы. В 1825 году русский мореплаватель О. Е. Коцебу внес в свой дневник любопытные показания старого островитянина Калемаку, который воочию видел, при каких обстоятельствах погиб Кук.

А дело происходило так. С отрядом морской пехоты Кук явился к Каланиопу и потребовал, чтобы этот вождь под конвоем отправился на корабль. Каланиопу безропотно подчинился Куку и пошел к шлюпке. По пути он встретил одну старуху и каких-то вождей, и все они стали уговаривать Каланиопу не подчиняться приказу Кука. «Капитан, — писал Кинг, — все еще нетерпеливо желающий осуществить свое намерение, предпринял все возможное, чтобы заставить этих людей уступить ему».

Кинг не говорит, что же предпринял в этом положении Кук. О. Е. Коцебу со слов Калемаку указывал, что Кук схватил Каланиопу за руку, желая увести его с собой. Памятуя о том, что в третьем плавании Кук быстро терял над собой власть, можно предположить, что Кук применил меры физического воздействия. Калемаку говорил, что незадолго до этой сцены из шлюпок, которые патрулировали бухту, была открыта стрельба по нескольким каноэ. Раненный выстрелом из мушкета островитянин прибежал к месту, где находился Каланиопу, и слезно стал умолять вождя не идти на корабль. При виде окровавленного соплеменника разгневанная толпа набросилась на Кука и его отряд.

Судя по свидетельствам Филипса и Кинга, столкновение началось с того момента, когда один из гавайцев кинулся на Кука. Кук выстрелил в него из двустволки, но либо заряд был холостым, либо выстрел дан был дробью, во всяком случае нападающий не пострадал. Островитяне после этого осмелели в еще большей степени. Кук дал приказ «всем в шлюпки» и вторым выстрелом убил одного гавайца.

«Необходимо было применить силу, — писал Кинг, — и м-р Филипс приказал солдатам стрелять; часть солдат выполнила приказ, после чего индейцы набросились на них с великой яростью, опрокинули их и потащили к воде. Оружие теперь оказалось бесполезным. Те, кто умел плавать, добирались до шлюпок, другим здесь же разбивали головы.

Капитан Кук в это время был справа от м-ра Филипса и сержанта. М-р Филипс был сбит с ног и получил удар кинжалом в спину, затем нападающий отошел, чтобы нанести новый удар, но м-р Филипс оправился, встал на колени и выстрелом в упор поразил туземца насмерть.

Это счастливое обстоятельство вынудило туземцев отступить и дало м-ру Филипсу возможность прорваться к шлюпкам. Туда же поспешил капитан Кук, и он был уже у самой воды, когда один вождь ударил его в шею и плечо острой железной палкой; капитан упал лицом в воду. Индейцы кинулись к нему с громким криком, сотни их окружило тело, добивая упавшего кинжалами и дубинами... С нашей стороны кроме капитана Кука погибли капрал и три солдата морской пехоты»[1].

Произошла немыслимая утрата. Трудно было представить себе, что Командира нет на свете. Некоторые офицеры предлагали немедленно открыть огонь из пушек и уничтожить все живое в бухте Кеалакекуа. Смертельно больной капитан Клерк принял мудрое решение: отказаться от карательных мер и мирным путем добиться, чтобы островитяне выдали останки покойного Командира. На следующий день Кинг вступил в переговоры с гавайцами. Они обещали выдать тело Кука, хотя сделать это было трудно: труп руководителя экспедиции был растерзан на месте схватки.

[1] «...Капитаи упал в воду лицом вииз, и тут же его закидали железиыми и бамбуковыми копьями и иачали иаиосить удары... до тех пор, пока ие погубили иаше зерцало, наш свет, иашу отраду и иашего истииного вождя. Ои все время оборачивался, чтобы посмотреть, успели ли мы погрузиться в лодки...»

Это ие о Куке. Это о Магеллане. О его последиих мииутах. Какое трагическое сходство в судьбах двух великих мореплавателей.

Да, сходство фатальиое. А ведь Кук одиажды сказал иатуралисту А. Спаррману: «Не могу понять, зачем Магеллаиу поиадобилось вступать в иикому ие нужиую стычку с туземцами». В порыве ярости Кук повторил трагическую ошибку Магеллаиа и погиб в столь же иеоправдаиной схватке с гавайцами.

Вечером 15 февраля двое островитян привезли на борт кусок бедра. Решено было добиваться выдачи остальных частей тела.

17 февраля завязалась стычка у места водозабора. Лейтенант Джон Рикман с группой матросов ворвался в близлежащее селение; каратели сожгли полтораста хижин и убили семерых островитян, причем Рикман вывесил для всеобщего обозрения две человеческие головы. Клерк велел сбросить эти «трофеи» в море.

20 февраля вожди и жрецы передали останки командира — скальп, голову без нижней челюсти, бедренную кость, кости предплечья и кисти рук. По рубцу между большим и указательным пальцами (на Ньюфаундленде у Кука в руках взорвался патрон) останки были опознаны.

22 февраля прах капитана Кука был предан морю, а на следующий день корабли покинули злосчастную бухту Кеалакекуа.

Выполняя предначертания Кука, Клерк повел суда на север для дальнейших поисков северо-западного прохода.

По пути к Берингову проливу корабли 29 апреля 1779 года вошли в Петропавловскую гавань. Там моряки были тепло приняты главным командиром Камчатки премьер-майором Магнусом Бемом. Бем безвозмездно снабдил экспедицию провиантом и корабельным припасом. Клерк передал правителю Камчатки сводную карту открытий экспедиции и ценнейшую коллекцию океанийских редкостей, которая ныне хранится в Музее этнографии Академии наук СССР в Ленинграде[1].

Корабли прошли затем Берингов пролив, но на 70° с. ш. дальнейший путь преградили ледяные поля. 27 июля Клерк повернул на юг. 22 августа, на подходе к Петропавловской

[1] В начале июня 1779 года Клерк направил в Адмиралтейство письмо с сообщением о гибели Кука. Оно прошло через всю Сибирь и из Петербурга было доставлено в Лондон 10 января 1780 года. В Англии горестная весть о смерти Командира была получена за десять месяцев до возвращения на родину кораблей третьей экспедиции.

гавани, он скончался, и командование экспедицией принял на себя Джон Гор.

В Петропавловске корабли простояли до 8 октября 1779 года, и гостей снова встречали там весьма радушно. На этот раз они имели дело не с М. Бемом, отбывшим в Петербург, а с временным командиром Камчатки капитаном В. И. Шмалевым.

Путь из Петропавловска к берегам Англии проходил через воды Японии, Индийский и Атлантический океаны. В устье Темзы корабли вошли 7 октября 1780 года. Плавание продолжалось пятьдесят месяцев и двадцать пять дней.

По своему значению третья экспедиция Кука уступала его прежним плаваниям. И не потому, что Куку и Клерку не удалось открыть северо-западный проход — он был пройден лишь спустя много десятилетий после Кука, — а в силу того, что одним из важнейших объектов третьей экспедиции оказалась та часть Тихого океана, где в ходе русских открытий XVII—XVIII веков уже были разрешены главные географические проблемы.

Основное достижение последней экспедиции Кука — это открытие Гавайских островов. Бесспорно, важны были и его открытия на западном берегу Аляски, совершенные по ориентирам, уже намеченным русскими мореплавателями.

Общие результаты деятельности Кука огромны. Он на опыте своих беспримерных плаваний доказал, что Мировой океан не только в северном, но и в южном полушарии превышает по площади Мировую сушу. Удалив с географической карты Южный материк, Кук положил на нее оба острова Новой Зеландии, восточное побережье Австралии, Новые Гебриды, Новую Каледонию и множество небольших островов и атоллов.

Эти экспедиции, участниками которых были выдающиеся ученые — Дж. Бенкс, Д. Соландер, И. Р. и Г. Форстеры, открыли путь всесторонним научным исследованиям земель и морей южного полушария. Деятельность Коман-

дира трех поистине великих экспедиций оказала значительное влияние на развитие мировой географической мысли.

Презрению к ложным авторитетам, смелости научных суждений, беспредельной отваге и мужеству учились у Кука те, кто принял от него эстафету открытий.

И пожалуй, наилучшую оценку Куку дал его верный помощник Джемс Кинг: «Знание, опыт, проницательность помогли ему так всесторонне овладеть своей профессией, что величайшие препятствия преодолевались и самые трудные плавания становились легкими и почти безопасными под его руководством».

Реставратор литературного наследия Кука

«Рукописи не сгорают». Эти вещие слова Михаила Булгакова невольно приходят на память, когда речь заходит о литературном наследии Джемса Кука. В 1912 году один из его биографов, Артур Китсон, писал: «Насколько мне известно, существует лишь одна-единственная страница дневника первого плавания Кука, написанная им лично».

Спустя сорок три года в Кембридже вышло издание материалов этого плавания, в основу которого был положен дневник, от первой до последней строки написанный рукой Кука. Чудо? Да, пожалуй. Иначе трудно назвать итог поистине титанической работы, выполненной при подготовке издания 1955 года новозеландским историком и географом Джоном Биглехолом.

За чудом № 1 последовало в 1961 году чудо № 2, а затем, в 1967 году, — чудо № 3. Это были публикации материалов второго и третьего плаваний Кука, в которых были убраны решительно все следы кощунственной правки, проведенной без ведома автора.

Чудо № 4 — полная научная биография Кука — появилось в 1974 году, но создателю ее не суждено было увидеть эту книгу. Он скончался в 1971 году на семьдесят первом году жизни.

Биглехол родился и вырос в столице Новой Зеландии Веллингтоне. Он учился в Веллингтонском университете и долгие годы преподавал в нем историю. Но Кук не давал ему возможности жить оседло. Розыски подлинных материалов трех великих экспедиций Биглехол вел в Австралии и в Англии, в Канаде и в США, и по маршрутам этих экспедиций он обошел многие острова и архипелаги южных морей.

Чтобы уяснить себе масштабы восстановительной деятельности Биглехола, совершим три рейса из XVIII в XX век.

Рейс первый. 15 сентября 1771 года, спустя два месяца после возвращения Кука из первого плавания, первый лорд Адмиралтейства граф Сандвич встретился в одном йоркширском поместье с видным музыкальным деятелем Чарлзом Барни. По словам дочери Ч. Барни, «его светлость, беседуя о недавнем кругосветном плавании, упомянул, что у него есть бумаги, относящиеся к оному, каковые он получил как первый лорд Адмиралтейства, и он добавил, что бумаги эти лежат в беспорядке, что они представляют собой черновые наброски и что он будет признателен всякому, кто порекомендует ему особу, способную «написать путешествие». Ч. Барни посоветовал обратиться к некому Джону Хауксуорту.

Хауксуорт, мелкий литературный барышник, сразу же взялся за дело. И. Сандвич, и Хауксуорт не соизволили уведомить Кука о предстоящей акции, а между тем он с середины 1772 года находился в Лондоне. В 1773 году Хауксуорт «написал путешествие». Его изделие носило название «Сообщение о кругосветном плавании 1768, 1769, 1770 и 1771 гг. лейтенанта Джемса Кука, командира барка „Индевр"». Издатель Страхан (Strahan) выплатил предприимчивому сочинителю шесть тысяч фунтов, сумму по тем временам баснословную. Страхан, однако, не прогадал. К 1785 году опус Хауксуорта был трижды переиздан, а в 1774 году «Сообщение» вышло в свет во Франции, в Голландии и в Германии.

Кук ознакомился со страхановским изданием, завершая второе плавание. «Не удивительно, — писал он, — что книга о моем предыдущем путешествии оскорбляет всех достойных людей; не меньше она огорчила и меня... я не просматривал внимательно свою рукопись и никогда не видел ее в таком виде, как она напечатана, хотя в своем предисловии д-р Хауксуорт утверждает обратное. Не могу сказать, каким образом так могло произойти, ибо все это исходит не от меня».

Каким образом это могло произойти, мы уже знаем. Оценка же, данная Куком «Сообщению», справедлива.

Хауксуорт вырвал из текста все, что ему не пришлось по вкусу, а вкус у него был дурной. Об этом можно судить по бесчисленным вставкам, водянисто-слащавым и высокопарным.

В 1893 году дневник первого плавания Кука издал адмирал У. Уортон. Уортон пользовался не подлинником, который тогда считался безнадежно утраченным, а двумя копиями. Уортону не известны были записки участников экспедиции, и в силу этих обстоятельств издание 1893 года было неполноценным, хотя, разумеется, оно далеко превосходило хауксуортовское «Сообщение».

Любопытно, что в 1895 году Уортон узнал о существовании подлинного дневника Кука, однако неведомо по каким причинам об этом умолчал.

Как установил Биглехол, подлинный дневник Кука хранился у его вдовы. После ее смерти в 1835 году некоторые рукописи Кука перешли во владение родственника Елизаветы Кук Чарлза Смита. От Смита бумаги Кука попали к антикварам-коммерсантам Патику и Симпсону, занимавшихся продажей разных древностей с аукциона.

Весной 1868 года дневник с какими-то другими документами купил комиссионер, который совершил это приобретение по поручению богатого торговца железом Генри Уильяма Болкоу. Болкоу был владельцем поместья Мартон-Холл; оно находилось в том самом селении Мартон, где родился Кук, и Болкоу считал своим долгом скупать все реликвии, имеющие отношение к великому мореплавателю.

Около 1880 года племянник хозяина Мартон-Холла Чарлз Болкоу унаследовал движимое и недвижимое имущество своего дяди Ч. Болкоу и сообщил Уортону о подлинном дневнике Кука.

В 1915 году Ч. Болкоу умер. Его сын Генри Уильям II разорился и в 1923 году продал Мартон-Холл; дневник был в Лондоне пущен с молотка. Рукопись приобрела Австралийская Национальная библиотека в Канберре. Там Биглехол отыскал странствующий дневник Кука.

Подготавливая издание материалов первого плавания

Кука, Биглехол сверил канберрский подлинник с тремя копиями и судовым журналом «Индевра». Биглехол обнаружил записки ряда участников первой экспедиции Кука. В текст издания Биглехол включил извлечения из записок лекаря Монкхауза, штурмана Молине и неизвестного автора, а в обширных комментариях новозеландский историк использовал дневники десяти соплавателей Кука.

Кроме того, Биглехол ввел в текст письма Кука документы из архива Адмиралтейства и снабдил свое издание тремя введениями — общим, текстологическим и историко-географическим[1].

Рейс второй. Закончив в 1955 году работу над «Плаванием на „Индевре"», Биглехол выразил надежду, что со вторым путешествием дело будет обстоять гораздо лучше: ведь дневники главы второй экспедиции были опубликованы в 1777 году как материал, подготовленный самим Куком. Увы! Надежда Биглехола не оправдалась.

Отправляясь в третье плавание, Кук поручил опубликовать дневник его второго путешествия опытному литератору, виндзорскому канонику Джону Дугласу. Дугласу Кук полностью доверял, с Дугласом он договорился обо всем, что касалось издания своего труда.

Но виндзорский каноник оказал Куку дурную услугу. Дуглас, как это выяснил Биглехол, без ведома автора переделал текст дневника. Поймать Дугласа с поличным никто не мог: в 1777 году Кук находился в далекой Океании. Смутные подозрения касательно Дугласа в литературных кругах Лондона все же возникли. Анонимный корреспондент в 1783 году обвинил Дугласа на страницах газеты «Морнинг Кроникл» в том, что он «переварил» (digested) дневники второй экспедиции.

[1] The Journals of Capitain James Cook, edited by J. C. Beaglehole, v. I; The voyage of the Endeavour, 1768—1771, Hakluyt Society. Cambridge, 1955; 2-d ed. — Cambridge, 1968.
Сокращенное советское издание: Первое плавание капитана Джемса Кука. Плавание на «Индевре» в 1768—1771 гг., Географгиз. М., 1960.

Дуглас заявил в ответ, что он «лишь исправил кое-какие небрежности стиля». Несколько позже Дуглас в своих неопубликованных автобиографических заметках признался, что он с ведома графа Сандвича и короля Георга III «подготовил к печати путешествие Кука... и во многом исправил стиль капитанского дневника... если бы дневник был напечатан в том виде, в каком мне его передали, он был бы слишком сырым и не понравился бы читателю».

Биглехол дознался, как допек и дожарил «сырой дневник» виндзорский повар.

Дуглас изъял из текста все, что ему было не по вкусу, в частности те места, где Кук писал о пагубных последствиях общения народов южных морей с европейцами. Одновременно непрошеный соавтор Кука обогатил дневник своими вставками. Но хуже всего было то, что Дуглас совершенно произвольно провел стилистическую правку всего текста дневника.

«Язык кубрика, — отметил в связи с этим Биглехол, — был приглажен, штормы утихомирены, и, хотя элегантная пунктуация не превратила моряка в виндзорского каноника, Дуглас оторвал Кука от берегов Тонгатабу и увел его к лондонскому Стрэнду».

Между тем в «сыром» виде дневники всех плаваний Кука были незаурядными литературными произведениями. Их шершавый, порой грубый, но крепкий, ясный и выразительный язык не нуждался в «облагораживании». Кук обладал чувством юмора, и у него была своя манера изложения, ничего общего не имеющая с вычурной прозой бездарных подражателей Попа, Стиля и Ричардсона.

В результате Биглехолу пришлось проделать колоссальную работу, чтобы счистить со страниц дневника дугласовский лак. В основу издания материалов второго плавания Кука, вышедшего в свет в Кембридже в 1961 году, Биглехол положил собственноручный дневник Кука — рукопись, хранящуюся в Британском музее, и вдобавок использовал второй подлинник, обнаруженный в том же музее, — три отрывка дневника, писанные рукой Кука, три

копии этого документа и судовой журнал «Резолюшн».

В издание 1961 года помимо дневника Кука вошли записки капитана Фюрно, лейтенантов Клерка и Пикерсгилла, астронома Уолса, мидшипменов Барни и Эллиотта и документы, относящиеся ко времени подготовки экспедиции.

Очень интересны два введения (общее и текстологическое) Биглехола и его многочисленные комментарии[1].

Рейс третий. В борьбу с виндзорским «проказником» Дугласом, выпускавшим в 1784 году дневники Кука и Кинга, которые они вели в третьем плавании, Биглехол вступил опять, подготавливая новое издание материалов этого путешествия Кука.

В своих не предназначенных для печати автобиографических заметках Дуглас не без гордости заявил, касаясь третьего путешествия: «Рукописи капитана были подготовлены мной аккуратно, но обращался я с ними вольнее, чем с записками второго плавания. Точно придерживаясь фактов, я был менее щепетилен с текстом, облекая его в одежды более тонкого стиля, чем обычный язык капитана». Далее Дуглас отмечал, что там, где надо, он дополнял без каких бы то ни было пояснений текст Кука записями хирурга и натуралиста третьей экспедиции У. Андерсона. «Это, — добавлял Дуглас, — позволяло мне рисовать картины более интересные, чем те, которые могла бы дать рукопись капитана Кука».

Действительно, после гибели Кука Дуглас мог делать все, что ему вздумается. Только Дж. Кинг способен был обуздать ретивого каноника, но Кинг в 1783 году отправился в Вест-Индию и там умер год спустя.

«Рисуя более интересные картины», Дуглас во многих

[1] The Journals of Captain James Cook, edited by J. C. Beaglehole, v. II; The voyage of the Resolution and Adventure, 1772—1775, Hakluyt Society. Cambridge, 1961; 2-d ed. — Cambridge, 1969. Сокращенное советское издание: Второе плаваиие капитана Джемса Кука. Плаваиие к Южиому полюсу и вокруг света в 1772—1775 гг., изд. «Мысль». М., 1964.

местах сократил текст дневника и по просьбе Палиссера убрал замечание Кука о безобразиях, творившихся в адмиралтейских доках. А поскольку Дуглас «был менее щепетилен с текстом», то трудно вообразить себе, во что превратились записки Кука...[1]

И снова Биглехол предпринял упорные поиски подлинников и копий дневников Кука. Труды реставратора литературного наследия Кука и на этот раз увенчались успехом.

Биглехол положил в основу своего издания — оно вышло в свет в Кембридже в 1967 году — две подлинные рукописи Кука, из фондов Британского музея, и три копии дневника третьего плавания, хранящиеся в архиве Адмиралтейства.

В различных английских и австралийских архивах и библиотеках Биглехол разыскал ранее не опубликованные записки двадцати семи (!) участников третьей экспедиции. Потребовалось бы по меньшей мере десять объемистых томов для публикации всех этих материалов. Поэтому в рамки двухтомного издания Биглехол вместил только извлечения из дневников Ч. Клерка, Дж. Кинга, Дж. Барни, У. Андерсона, андерсоновского помощника Д. Самвелла и штурманов Т. Эдгара и Дж. Гилберта.

По доброй традиции Биглехол включил в издание материалов третьего плавания документы 1776—1781 годов и два введения, общее и текстологическое[2].

Выпустив в свет материалы третьей экспедиции, Биглехол приступил к своей Главной Книге, биографии Кука.

[1] По иронии судьбы карты к изданию 1784 года редактировал Дальримпль. Вряд ли ему доставила удовольствие работа над картами Кука, на которых и следа не осталось от Южного материка, по площади превышающего «всю цивилизованную часть Азии...».

[2] The Journals of Captain James Cook, edited by J. C. Beaglehole, v. III, pp. I, II. The Voyage of the Resolution and Discovery, 1776—1780, Hakluyt Society. Cambridge, 1967.

Сокращенное советское издание: Третье плавание капитана Джемса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг., изд. «Мысль». М., 1971.

Автор «Жизни капитана Кука» скончался, когда большая часть его труда была подготовлена к печати.

Сын Дж. Биглехола, Т. Биглехол, по оставшимся черновикам дописал несколько заключительных глав. В 1974 году в Кембридже была опубликована последняя книга новозеландского ученого[1].

* * *

Историографом № 1 Христофора Колумба был его младший современник, неистовый правдолюбец и страстный гуманист Бартоломе Лас Касас.

Единственный пассажир первой кругосветной экспедиции, Антонио Пигафетта, увековечил деяния Фернандо Магеллана.

Джон Биглехол стал наилучшим биографом Джемса Кука.

Полвека, прожитые Куком, современником Вольтера и Ломоносова, Уатта и Канта, — это не только годы, проведенные им на капитанских мостиках «Индевра» и «Резолюшн».

Кук учился и учил, Кук любил и ненавидел, Кук исправлял чужие ошибки и ошибался сам, Кук жил.

Образ именно такого Кука, сына своего века, человека трудной судьбы и неутомимого искателя, воссоздал Биглехол, совершив тем самым великий научный подвиг.

[1] The Journals of Captain James Cook, edited by J. C. Beaglehole, v. IV. The Live of Captain James Cook by J. C. Beaglehole, Hakluyt Society. Cambridge, 1974.

Содержание

Свет Я.

С 24 Джемс Кук. — М.: Мысль, 1979. — 110 с., ил., 4 л. ил. — (Замечат. географы и путешественники).

25 к.

Книга посвящена выдающемуся английскому мореплавателю Дж. Куку, человеку удивительной судьбы. Сын батрака-поденщика, он, пройдя суровую морскую службу, стал командиром трех крупных экспедиций, в которых были открыты неизвестные ранее земли. Особенно интересны его открытия и путешествия в южном полушарии.

С $\frac{20901\text{-}107}{004(01)\text{-}79}$ 140-79 91(09)

ИБ № 1148

Свет Яков Михайлович

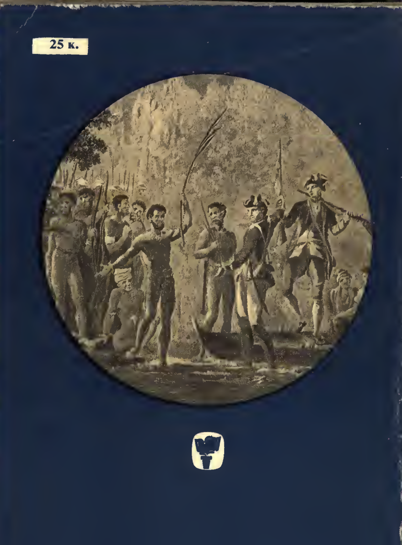
ДЖЕМС КУК

Заведующий редакцией О. Д. Катагощин
Редактор С. Я. Проходцева
Редактор карт Д. Г. Фаттахова
Младший редактор Н. А. Рожкова
Оформление художника А. А. Кузнецова
Художественный редактор С. М. Полесицкая
Технический редактор О. А. Барабанова
Корректор З. Н. Смирнова

Сдано в набор 26.09.78. Подписано в печать 10.05.79. А08152. Формат 70 × 100 1/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печатных листов 4,83 с вкл. Учетно-издательских листов 5,48 с вкл. Тираж 80000 экз. Заказ № 2303. Цена 25 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.


25 к.